

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП

В ЗАКОНЕ

БОЛЬШАЯ
СТРЕЛКА

Я – вор в законе (Эксмо)

Сергей Зверев
Большая стрелка

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Большая стрелка / С. И. Зверев — «Эксмо», 2017 — (Я – вор в законе (Эксмо))

ISBN 978-5-699-96896-1

Брата Костю застрелили у него на глазах. Полковник Гурьянов – начальник оперативно-боевого отдела отряда «Буран», не знал за что, но твердо знал, что найдет убийцу и поквитается с ним, – ведь за плечами у него были Афган, Чечня, Югославия и много чего другого. Он дал себе срок месяц и уложился в него.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96896-1

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть I. Расстрел	6
Часть II. «Потому что мы команда!»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Зверев

Большая стрелка

© Рясной И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть I. Расстрел

Этот звук Никита Гурьянов никогда не спутает ни с каким другим. Подобная «музыка» сопровождала его многие годы. Били из «калашей» – минимум с двух стволов. И патронов не жалели.

Он нажал на тормоз, поймав себя на том, что рука тянется к автомату, а тело готово прийти в движение. Вот только автомата под рукой не было. И сидел Гурьянов не в БТР, а в потрепанной черной «Волге».

Сердце сдавило от недобрых предчувствий. Полковник Гурьянов немного сбросил скорость, а потом нажал на акселератор, и машина устремилась вперед.

«Волга», влетев колесом на тротуар и едва не задев урну, свернула во двор, окаймленный высотными кирпичными домами. В сознании Гурьянова билась одна мысль: «Господи, пожалей, только не это...» Но внутри уже засела заноза – предчувствие обрушившейся беды.

Когда «Волга» со скрежетом затормозила у изрешеченного пулями «Сааба» изумрудного цвета, киллеров и след простыл.

Гурьянов бросился к вывалившемуся из салона водителю. Тот скреб по асфальту окровавленными пальцами.

– Как же так, Костя?... Как же так?... – выдавил Гурьянов, нагибаясь над водителем и кладя его голову себе на колено.

Глаза раненого стекленели. Он попытался что-то сказать, но из простреленного легкого вырвался только хрип. На губах выступила кровавая пена.

– Ники... – все-таки выдавил он едва слышно. Из последних сил добавил: – Вика... У нее...

Он замолчал. Теперь уже бесповоротно. И мир вокруг Никиты покрылся льдом, холод от которого продрал до самого сердца. А сердце ныло тупой болью...

Гурьянов аккуратно опустил голову убитого на асфальт, подошел к задней дверце «Сааба».

Пули «калаша» без труда дырявят борта машины. И их смертельные укусы наступают беззащитных, открытых и желанных для них жертв.

– Лена... – Гурьянов судорожно вздохнул.

Жена Кости Лена и его дочь Оксана тоже были здесь. На каждую пришлось не меньше пяти пуль.

Гурьянов сжал кулак, ударил по капоту «Сааба», оставив на нем вмятину, и прислонился лбом к крыше автомобиля. Он ничего не мог поделать – из его глаз покатились слезы.

Когда взвыла сирена и во двор лихо завернул милицейский «Форд» с надписью «патруль города», полковник полностью взял себя в руки.

– Вы кем приходитесь потерпевшим? Сосед? – деловито осведомился старший лейтенант милиции.

– Брат, – сказал Гурьянов.

«У меня был брат», – подумал он. И это слово «был» подвело жирную черту, отделило его от близких людей. Теперь их нет на этой Земле. Они всего лишь были...

* * *

Художник обмакнул перо во флакон с красной тушью и сделал несколько завершающих штрихов на ватманском листе. И цокнул языком, с удовольствием оценивая свое творение.

Пожалуй, больше всего в жизни он любил этот сладостный момент, когда на бумаге проступает образ, который неясной тенью до того был закован в таинственных пространствах сознания и просился на свободу.

– Отлично, – похвалил себя Художник. – Кое-что можем.

Любимая его тема – вервольф. Лицо с точеными правильными чертами, в котором начинают проступать черты зверя. Вот сейчас зубы обнажатся, станут острыми как бритвы. Изменяются глаза, и то, что раньше глубоко дремало в них – настороженность и хищность зверя, – станет их сущностью. Покроет кожу жесткая шерсть. И уже волк готов к броску...

За последние годы он создал целую галерею яростных оборотней. Человек-волк. Волк-человек. Как ни крути – в последние годы в жизни Художника все крутилось в этой круговерти. Он любил волков...

У него было какое-то непонятное, томное, ностальгическое настроение. Лицо волка навевало образы прошлого. В сознании возникло лицо Бузы, казавшегося тогда, много лет назад, воплощением всего зла этого мира. И вспомнился соленый вкус крови во рту – своей крови...

Было Художнику тогда четырнадцать лет. Он привычно прогуливал три последних урока и рисовал на берегу Гавриловского пруда старинную церквушку. Шпанята из третьей школы тоже убежали с уроков.

– О, бумагомарака, – завопил один из них, низкорослый, тщедушный и шустрый, подсакивая к Художнику и тыкая грязным пальцем в чистый лист, на котором только начинала обретать контуры церковь.

Художник оттолкнул грязную лапу. Но тут подросли остальные. Шесть пацанов находились в таком веселом расположении духа, когда кажется забавным кого-то унижить.

Щелбан по макушке залепили Художнику такой, что слезы выступили из глаз.

Третья школа являлась оптовым поставщиком малолетних преступников для спецПТУ и воспитательно-трудовых колоний. И связываться с ее питомцами было себе дороже.

– Что я вам сделал? – обиженно воскликнул Художник.

Но ничего и не требовалось делать. Надо было только оказаться у них на пути. Ведь шобла – это не просто группа людей. Это некое самостоятельное жестокое существо.

Громкий гогот, глупые подначки. Художника повалили на траву. Кто-то залепил ему башмаком по ребрам.

– Не надо, – попросил он, понимая, что делает ошибку. Шоблу нельзя ни о чем просить. Шобле нравится, когда ее просят, когда боятся, когда унижаются перед ней. Тогда она становится еще агрессивнее.

– Кого-кого ты на х... послал? – завопил предводитель – толстомордый пятнадцатилетний здоровяк, гроза третьей школы и окрестностей, хронический второгодник Буза, нагибаясь и больно хватая Художника за ухо. – Художник! Репин, бля!

– От слова «худо», – поддакнул кто-то из шпанят, взял карандаш и поперек листа написал так хорошо знакомое слово из трех букв.

Художника затошнило от запаха, идущего от Бузы.

– Да пошли вы! – вдруг выпалил он.

– Ага! – Буза обрадовался и со вкусом плюнул в лицо жертве.

И Художник утратил контроль над собой. Будто волна приподняла его и понесла на своем гребне.

По комплекции он был раза в два меньше Бузы, но его кулак впился прямо в эту отвратительную морду, точно в нос. Буза от удивления и боли крикнул, отступил назад, споткнулся и упал.

На миг повисло молчание.

– Ну все! – прошипел Буза с яростью. – Ща тебя в морг свезут...

И шобла навалилась на Художника. Его вжали лицом в землю. Сначала ему пытались скормить рисунок, оторвав от него кусок, но потом от этой идеи отказались. Попинали ногами и связали руки проводом.

– Может, «машкой» сделаем? – Бузе шел шестнадцатый год, и он прекрасно знал, как это принято у взрослых уркаганов.

Он взял в горсть лицо Художника... И снова этот отвратительный запах... Художник впился в эту лапу зубами, изо всей силы, так что брызнула кровь.

– Все, пидор! – Буза совсем озверел.

Художник дрался нередко, и чаще побеждал – не от силы и умения, а от бешеной злости. Но столь унижительно и жестоко его еще не били. Сознание начало уплывать.

– Кусается, бля! – Буза подпрыгнул, хотел приземлиться ногами на спину, но поскользнулся.

Художник поднял залитые кровью глаза, встретился с Бузой взглядом и понял одно – тот хочет его убить.

– Козел, – упрямо прошептал Художник...

– Буза, да хватит с этой мелкоты, – крикнул кто-то из пацанов.

Шобла теряла задор, понимая, куда идет дело.

– Бздите, да? – крикнул Буза.

В руке Бузы возникла тяжелая железка типа лома.

Тут и послышалось задорное:

– Брысь, шкеты!

– Гребись отсюда, мужик, – бросил Буза. Он был как не в себе. Ему хотелось использовать металлическую железку. И он не думал, что будет дальше.

Художник перевел дыхание и прислонился к старой резиновой шине, которую ему недавно с кряканьем опустили на спину.

На берег пруда вышел невысокий, в кургузом пиджачке, небритый, с алкашным оттенком лица мужчина. Руки его были обильно татуированы. Глаза смеялись.

– Я кому сказал! Брысь! – прикрикнул он.

Шесть подростков. Да еще у одного металлический прут, у другого нож, у третьего бритва – это опасно даже для самого крепкого мужчины. Они начали окружать незнакомца.

– Бунт молокососов? – рассмеялся мужчина. И вдруг с быстротой кобры рванулся вперед, сграбастал первого попавшегося пацана, захватом зажал шею. Со щелчком вылетело лезвие ножа. – Его первого режу. А потом – как придется!

Пацаны застыли.

– Психованный. – Буза взвесил в руке прут.

– Ты вторым будешь, – пообещал мужчина.

Буза невольно отступил, что не укрылось от глаз его шестерок. Шобла колебалась. Шобла была испугана. А испуг шоблы легко перерастает в панику.

– Дядя, не надо! – истошно заорал заложник, когда лезвие надавило на шею.

Буза отбросил прут.

– Брысь отсюда, щенки! – Мужчина отшвырнул от себя пацана, надав ему пенделя, и подался вперед, взмахнув лезвием.

Тут и послышалось долгожданное:

– Атас!

И шобла рассыпалась в стороны.

Художник так и сидел, прислонившись к шине. И всхлипывал. Из носа и раны на голове текла кровь.

Неожиданный спаситель нагнулся над ним, взял за подбородок, посмотрел в глаза.

– Это ты дуrolому тому нос раскровянил?

– Я, – кивнул Художник.

– Хвалю, волчонок. – Мужчина поднял с земли папку для рисунков, отряхнул от комьев земли, взял порванный рисунок. – Знатно сделано.

Он разгладил бумагу и положил в папку. Быстро осмотрел жертву:

– Цел вроде. Вытирай сопли и пошли. Где живешь?

– За Фабричной. С матерью.

– Вот она обрадуется, – усмехнулся он.

– Ей все равно. Двенадцать часов. Она уже пьяная.

– Ну тогда давай ко мне...

Мужчина жил в Курееве – окраинном трущобном районе, состоящем сплошь из дощатых домишек – в большинстве самостроя. Здесь жило самое отпетое ворье города Дедова. Приезжали сюда гости из Ахтумска и даже из Москвы по каким-то блатным делам. Мораль у местных была простая: зону не топтал – ты не человек.

– Чаю? – спросил мужчина, когда они зашли в деревянный, с трехконным фасадом дом.

– Если вас не затруднит, – вежливо произнес мальчишка.

Мужчина заварил чай в алюминиевой кружке, вытащил блюдце с вареньем. Себе налил стопку водки, махом опрокинул ее, закусил грибочком:

– Хороша, отрава!

Художник размешал в кружке варенье, отхлебнул сладкого чая.

– Ну как? – спросил мужчина.

– Тошнит немного.

– Настучали по голове. Это бывает. Чай пей. Жидкости надо побольше.

Художник огляделся. Его поразила стерильная чистота в комнате. В углу стояла никелированная металлическая кровать, на стене висел ковер с оленями. Деревенский колорит.

– Как тебя зовут? – спросил хозяин дома.

– Андрей.

– А я – Анатолий. Фамилия Зименко. Люди Зимой кличут... Хорошо рисуешь. – Он открыл папку, полюбовался на рисунок церкви.

– Выбросите, – произнес сдавленно Художник.

– Почему? Не хочешь напоминаний?

– Не хочу! – Художник отодвинул от себя блюдце с вареньем и хотел подняться со стула.

Зима мягко, но настойчиво усадил его обратно со словами:

– Ты, пацан, должен в рамку повесить этот рисунок. Чтобы он всегда напоминал, что «хомо хомини люпус эст».

– Что? – удивился Художник и посмотрел в смеющиеся глаза Зимы.

– В переводе с языка древних римлян означает сие, что человек человеку волк – это была единственная фраза, которую Зима знал по-латыни. – Не согласен?

– Не знаю, – пожал плечами Художник.

– Знаешь, эти молокососы тебя бы убили. Им надо было убить. – У Зимы хищно раздулись ноздри. – Они щенки. А им хочется стать волками... Да, Андрюха, человек человеку волк. Чтобы выжить, нужно быть самым свирепым волком.

– Я не знаю. – Художник поморщился от боли в ребрах.

– Правильно. Ты пока вообще ничего не знаешь. Вот я тебе и объясняю.

– Зачем?

– Потому что я тебе жизнь спас. И теперь ты принадлежишь мне, со всеми потрохами... Да шучу. – Зима сказал таким тоном, каким не шутят. – Ладно. – Он опять улыбнулся, и Художник поймал себя на мысли, что этот человек ему нравится. – Приходи, как скучно станет, волчонок...

Художнику не хотелось снова приходить сюда. Зима и притягивал, и пугал его. Но через три дня ноги сами принесли его в Куреево. И снова они пили чай с вареньем. Снова Художник слышал пространную лекцию о волках, стаях, травоядных, которые составляют большую часть человечества и созданы для того, чтобы волки на них охотились.

Дальше в судьбе Художника все складывалось, как и у тысяч таких же неустроенных пацанов. Зима таскал его с собой, притом не только в Дедове, но и в областной центр Ахтумск. В папиросном дыму, под слова фени и звон наполненных водкой стаканов мальчишка быстро научился понимать различия между гоп-стопниками и домушниками, узнал, чем отличается форточник от майданщика и какие нравы царят за колючкой. Немало наслышался он о самом болезненном для блатных текущем моменте – о новых то ли фраерах, то ли бандитах, которых прозвали «комсомольцами». Они жестоко, с жадным нахрапом, не боясь ни чужой, ни своей крови, часто не думая о последствиях, атаковали растущие как на дрожжах кооперативы. Тогда только начинало входить в обиход понятие «рэкет».

Зима подкармливал паренька – давал и продукты, и немножко денег. И наконец в жизни Художника произошло несколько судьбоносных и закономерных событий.

– Пора к делу приучаться, – заявил однажды Зима. – В десять вечера приходишь ко мне. Этой ночью они подломили магазин.

– Учись, волчонок, – сказал Зима, раскладывая инструмент.

Художник светил фонариком, и в его бледном свете Зима принялся за несгораемый ящик, где должна была быть выручка и зарплата работников.

Ящик сдался через пятнадцать минут. Вытерев рукавом пот со лба, Зима распахнул дверцу, вытащил несколько тугих пачек денег и резко кинул:

– Двигаем отсюда в темпе вальса.

Увидев, что Художник хочет прихватить со стола какую-то безделушку, ударил его по руке и прикрикнул:

– Положь! Никогда не связывайся с вещами, если можешь взять деньги!

Когда они добрались до дома Зимы, Художник дрожал – не от страха, а от возбуждения. Ему казалось сейчас море по колено. Он пришел с первого своего дела!

При свете настольной лампы Зима вывалил на стол деньги. Казалось, что их очень много.

– Нравится? – спросил Зима.

– Неплохо.

– Треть – наводчику. Наводка верная. Человек заработал.

– А если бы неверная была?

– Тогда бы он нам заплатил деньги. Если говоришь, что там должно быть десять тысяч, значит, отвечаешь за слова. Ясно?.. Ну и тебе перепадет... Или не перепадет, а?

Художник пожал плечами:

– Как скажешь.

– Правильно, волчонок. Не верь, не бойся, не проси. Вот, возьми, на мороженое, – от общей кучи Зима отмерил пачку. – Да бери, не укусят.

Уже позже, вспоминая эту добычу, Художник трезво осознавал, что была она не особенно велика. Но тогда он ощущал себя так, как если бы получил наследство от Рокфеллера.

– Только мощной не тряси и не трепи никому языком, – напутствовал Зима. – А то оглянуться не успеешь – на нарах куковать будем.

Художник и не собирался шиковать напоказ, хвастаться. Он просто наслаждался тем, что на некоторое время отступила нищета, в плену которой он томился всю жизнь.

А еще через два дня в Ахтумске произошло другое знаменательное событие. Случилось это на квартире Людки, где собирался отчаянный блатной народ, лилась рекой водка, бывали доступные девки.

– На. – Зима протянул стакан водки Художнику в первый раз. – Сегодня можно. Поработали хорошо.

Художник проглотил обжигающую жидкость, и все поплыло перед глазами.

А потом развязная, полупьяная подруга Людки поволокла его в тесную, душную спальню. Там все и произошло.

Утром после этого им овладело странное чувство: с одной стороны, ликование, легкость, у него просто выросли крылья, с другой – он будто, поднявшись высоко, бултыхнулся потом в самую грязь...

Звонок сотового телефона развеял дым воспоминаний.

– Художник, – послышалось в трубке. – Этого коммерсанта. Ну, в общем, все... Но тут проблема.

– Какая такая проблема? – спросил Художник.

– Бумаг при нем не было!

* * *

– Стоять, суки! РУБОП!

Прибалт оказался быстр. Рука его нырнула за пазуху, к шестнадцатизарядному «глоку». И тут же от собровца, выскочившего из подкатившего фургона-«рафика» с занавешенными окнами, он получил по хребту прикладом автомата и уgomонился на асфальте.

Влад вылетел из оперативной «шестерки», затормозившей перед носом бандитской «оружейной» тачки – синего «буммера» с тонированными стеклами.

Рыхлый, пузан по кличке Бобрик, за рулем «БМВ» потянулся к ключу зажигания. Он хотел сдать назад, подвинув собровский фургон, заодно задавив прибалта, оперативников и двух покупателей, и вырваться из окружения.

Двигатель «БМВ» взревел. Бобрик врубил скорость...

Влад с одного удара рукояткой «стечкина» высадил лобовое стекло «БМВ». А потом коронный номер: он выдернул за шкурку восьмидесятикилограммового Бобрика через образовавшийся проем.

Бобрик взвыл, как свинья, которую тащат на убой. Влад умелым ударом уgomонил его.

И вот все пятеро «оружейников» разложены на асфальте в наручниках. Можно перевести дух.

– Класс! – поднял палец вверх начальник отдела подполковник Казанчев.

– Рады стараться, – широко улыбнулся Влад, обнажая белые, ровные зубы.

– Ну-ка, где наше железо? – Казанчев открыл багажник «буммера» и удовлетворенно крикнул, разглядывая две израильские снайперские винтовки, шесть пистолетов-пулеметов чешского производства и пять килограммов пластика.

Торговцев смертью взяли в самый любимый ими момент – обмена оружия на «хрусты».

В РУБОПе оперативников ждало оформление протоколов, допросы и прочая рутина. Оперативное дело «Гастролеры» реализовано. Перекрыт один из каналов контрабанды оружия из Латвии в Москву.

– Ну что, братки, смажем успех? – ближе к окончанию рабочего дня деловито осведомился майор Ломов по кличке Лом. Вопрос был риторическим.

– Кому за бутылкой идти? – обреченно спросил самый молодой – старлей Николай Балабин, прозванный Николя за аристократическую внешность.

– А чего идти? – Влад полез в шкаф с милицейской формой на случай строевых смотров или других служебных бедствий и вытащил из-за вещмешков бутылку.

Первая рюмка прошла как положено – легко и хорошо.

– Здорово ты Бобрика через стекло, – хмыкнул Балабин. – Как щенка нашкодившего.

– В первый раз видишь Бронепоезд на боевых рельсах? – усмехнулся Ломов. – Это зрелище, достойное кинематографа.

Бронепоезд – эта кличка была дана Владу за напор, упрямство, силу и несокрушимость.

– Молодой, наливай по второй, – велел Влад.

Снова полилась водка в кружки, темные от чайной накипи.

– Ну, чтоб враг был повержен! – Влад поднял было стакан.

Но тут зазвенел служебный телефон.

Звонил начальник отдела Казанчев.

– Влад, вы там чем заняты?

– Рапорта отписываем.

– Мне из горпрокуратуры звонили. Тебя хотят видеть по детолубу. Следак, говорит, что ненадолго. Смотайся к нему.

Доза спиртного для веса Влада в сто пятнадцать полноценных килограммов была несущественна. Поэтому он без лишних сомнений устроился за баранкой своего старенького зеленого «ВАЗ-2105». И через несколько минут стоял перед кабинетом следователя Мокроусова.

Политик был уже там. Влад услышал обрывок захватывающего разговора на тему, как быстрее получить долгосрочный льготный кредит. В кредитах Политик был дока.

– Тут проблем у вас не будет, – заверял он. – Я хорошо знаю председателя правления «Бизнес-сервиса». Такие кредиты выдаются, естественно, людям с хорошими рекомендациями.

– Да, есть о чем подумать, – отвечал следователь.

Тут Влад и зашел в кабинет.

– Уже заждались, – приторно улыбнулся следователь. Он все время улыбался как идиот и походил на менеджера американской фирмы «Собачья радость».

Влад устроился на стуле в тесном кабинете и уставился на пухленького, гладкого Политика, который заерзал под тяжелым взглядом.

– Поскольку в деле между вашими показаниями имеются существенные противоречия, я вынужден провести очную ставку, – улыбка немножко поблекла на лице следователя.

– Валяй, – махнул рукой Влад.

Мокроусов поморщился, хотел что-то строгое сказать, но передумал и принялся разъяснять участникам очной ставки их процессуальные права и обязанности.

– Что вы можете показать об обстоятельствах обыска и задержания? – наконец спросил он у Политика.

– Это была заказная провокация, – изрек тот, приободряясь, как всегда, когда начинал работать языком. – Девятнадцатого марта около девяти вечера ко мне заявился этот господин в сопровождении его коллег по работе. Его клеветнические обвинения были чудовищны. Изнасилование малолетних, педофилия. Мне показалось, молодой человек просто не в себе.

Влад сжал кулак. Спокойствие, только спокойствие, как говаривал старина Карлсон.

Политик бросил вороватый взгляд на рубоповца, запнулся на секунду и продолжил заливаться соловьем: милиция вломилась в его дом без каких-либо оснований. Опозорили. Избили, выбили чистосердечные признания в том, чего не было...

– И, господин следователь, я не столь богатый человек, чтобы разбрасываться такими деньгами, – заявил Политик в конце, подойдя к самому главному, из-за чего весь сыр-бор.

– Сколько было денег? – спросил Мокроусов с гадкой ухмылкой.

– Шестнадцать тысяч долларов, цент в цент. Лежали в секрете.

– Вы видели, куда они делись?

– Еще бы я не видел! Этот молодой человек нагло положил себе их в карман. На мои возражения ударил меня ладонью в лицо, что, учитывая его комплекцию, было весьма болезненно.

– Значит, вы утверждаете, что капитан Столетин похитил принадлежавшие вам шестнадцать тысяч долларов.

– У меня пока стопроцентное зрение.

«Держись», – убеждал себя Влад.

– Как проходил ваш допрос в РУБОПе? – сменил тему следователь.

– Как в гестапо, – развел руками Политик. – Избили, понятно. Этим в нашей стране уже никого не удивишь... Но что он мне говорил! Что говорил! Якобы в следственном изоляторе уже сообщили уголовникам, что им насильника детей везут. И что меня сразу, извиняюсь, в одно место. Ну, в общем...

Влад усмехнулся. Тут Политик не врал. Ему действительно обещали все это. И более того – Влад бы сделал что обещал. И побили эту тварь слегка. И Политик поплыл очень быстро. И явка с повинной была. Все было...

Политик являлся ближайшим сподвижником и помощником депутата Госдумы от одной широко известной партии, которая, как мусороуборочная машина, втягивала в свои ряды бизнесменствующих воров и вороватых бизнесменов. От этой партии, оплота либеральных реформ, и собирался в одной малонаселенной северной республике баллотироваться Политик на освободившееся место в Государственной думе. Но главное его занятие – оптовые поставки в столицу паленой водки.

Все было бы у Политика «тип-топ», досталось бы ему место в Госдуме, да только подвела его любовь к мальчикам не старше одиннадцати лет. Охранники его фирмы находили ему детей где только могли – у детдомов, на вокзалах, в трудных семьях. Сделанные им видеозаписи его утех получили хождение в кругу элитных извращенцев.

Собственно, с этих видеозаписей все и началось. Когда Владу попала видеокассета, он поклялся найти негодяя. Только плохо, что на экране хорошо были видны дети, однако почти не был виден сам извращенец.

Влад установил личность одного из пострадавших, чьи родители ночевали чаще в вырезвители, чем дома. Мальчишка подворовывал, бродяжничал, попрошайничал. Скитался по подвалам. И однажды напоролся на «дядю Георгия», как на нож.

Влад отыскал мальчишку в подвале пятиэтажки в Бутово, где тот жил еще с двумя такими же неприкаянными пацанами. Бедняжка опасался возвращаться домой и до дрожи боялся, что его снова найдет дядя Георгий.

Что было там, на даче кандидата в депутаты Георгия Николаевича Маничева, сорока лет от роду, неженатого, образование высшее, президента благотворительной ассоциации «Счастливое детство» и генерального директора общества с ограниченной ответственностью «Акраме», мальчишка говорить не хотел. Он вообще после подмосковной дачи стал заикаться. Его била дрожь. И он был голоден.

– Сейчас пообедаем хорошенько, – сказал Влад, держа его за руку и направляясь от подвала к своей машине. – Потом поговорим.

Они устроились в недорогом кафе. Мальчишка ел жадно. И молчал. Влад осторожно, стараясь сильно не бередить душевные раны, продвигался вперед, слово за словом.

И вдруг мальчишка разом выложил такое, от чего даже у выдавшего виды оперативника голова пошла кругом.

Влад добился своего – в отношении Политика возбудили уголовное дело. РУБОП подготовил мероприятия по задержанию. И тут все пошло шиворот-навыворот. Охранники ООО «Акраме», которые добывали детей, исчезли из Москвы. При обыске у Политика видеотеки не нашли.

Дальше – больше. Влад не смог отыскать пацана, дававшего показания. Тот исчез из детского приемника-распределителя.

Через двое суток Политика выпустили из ИВС на Петровке, 38. Его встречала толпа адвокатов, журналистов и просто всякой рвани непонятного происхождения и рода деятельности.

Появились две статьи в центральной прессе и видеосюжет в телевизионной передаче о палачах-рубоповцах, которые по политическому заказу сделали все, чтобы снять с предвыборной гонки представителя демократических сил. И за Влада взялись всерьез.

Сперва он долго и нудно давал объяснения в прокуратуре строгим буквоедам, делавшим вид, что не понимают очевидных вещей. И однажды возбудили дело о превышении власти в отношении самого Влада.

– Что вы можете показать касательно заявлений гражданина Маничева? – повернулся Мокроусов к Владу.

– Вранье. Мы провели обыск на его квартире. Он чистосердечно раскаялся. Никаких денег не было. Пальцем я его не трогал. Все...

Протокол. Подписи.

– Вы можете идти, – голливудская улыбка была подарена следователем Политику.

Маничев встал. Обернулся к Владу. Пряча глаза, змеей прошипел:

– Я тебя предупреждал...

Действительно, предупреждал еще во время обыска. Визжал, что Влада раздавят, закопают, уничтожат, пока не получил по круглой наглой морде.

– Знаешь, поганка, – насмешливо посмотрел на него Влад. – Детские слезы неоплаченными не остаются.

– Хватит! – хлопнул ладонью по столу следователь. – Георгий Николаевич, вы свободны. Политик поспешно вышел из кабинета.

– И что дальше? – спросил Влад. – Уговаривать «чистуху» писать будешь?

– Не буду, – нервно произнес Мокроусов. – Уже поздно для чистосердечных признаний. В кабинете появилось двое сержантов, причем один с автоматом.

– Он. – Следователь указал на Влада. Так говорят «фас».

– Встать. Лицом к стене, руки на стену перед собой, – без особой уверенности выдал сержант, махая автоматом.

– Чего, стрелять в брата-мента станешь? – насмешливо произнес Влад, поднимаясь.

Сержант пробежал руками по одежде Влада. Вытащил из-за пояса пистолет Макарова. Следователь как замороженный смотрел на оружие. Он вдруг представил, что этот здоровяк-опер запросто мог его минуту назад расстрелять.

– Гражданин Столетин, вы задержаны по подозрению в совершении преступления, – оттарабанил Мокроусов, переводя дыхание, как будто его самого задерживали.

– Ты вообще на кого работаешь? – спросил Влад.

– На правосудие.

– Нет, следак. Ты работаешь на бандитов и извращенцев. А это грех большой...

* * *

– Где же ты был, Одиссей, – прошептал Гурьянов.

Одиссей, бороздящий десятилетиями моря, участвовавший в жестоких битвах, набравший груз подвигов, однажды, возвратившись домой, видит, что это уже не его дом. И начинает считать потери.

В возвращении есть какая-то мистика. Гурьянов, возвращаясь раз за разом домой, обнаруживал эти самые потери. Они преследовали его, забирая самое дорогое. А еще, возвращаясь, он оставлял часть души в тех негостеприимных краях, куда кинули его злодейка судьба и приказ руководства.

Сколько он, беспокойный Одиссей, обошел стран. Сколько раз участвовал в боях, где разыгрывались судьбы планеты и ковалась история. Такая работа у начальника оперативно-боевого отдела одного из самых закрытых спецподразделений – отряда «Буран».

Открываешь потаенный ящичек, где хранится твоё прошлое. И будто наяву видишь «Томагавки», крушащие жилые районы и военные объекты, заходящие на боевой заход вертолеты «Апач», ощущаешь смерть, витающую над горами.

И видишь самодовольные отъевшиеся рожи сержанта и двух офицеров армии США, один из которых был разведчиком, из-за которого и затевалась акция. Они искренне считали, что весь мир – это большой Голливуд. А агент ЦРУ, воспринимавший поездку с пересечением границы одной южной страны, как сафари, был полным болваном, так же как и его начальники. Посылать «секретносителя» на такую экскурсию и надеяться, что с ним ничего не случится, – на это способны только янки. Тогда у Гурьянова была информация о времени и месте появления объекта. Штатовцы не успели понять, что произошло, как очутились в крепких руках русских спецов. Насколько знал Гурьянов, именно эта его операция позволила решить России ряд щекотливых проблем.

Вернувшись из той командировки, Одиссей понял, что его очаг остыл. Инга дождалась мужа, а потом спокойно заявила, что уходит.

– Мне все это надоело, – только и сказала она. – Я устала тебя ждать. Устала за тебя бояться. В конце концов, я просто устала.

– Инга, как ты можешь? – промямлил он.

– Ты мне не нужен. И детям не нужен...

Глухая стена непонимания между ними росла кирпичик за кирпичиком все последние годы. Расстались они странно, как чужие люди. Гурьянов, который без труда устанавливал оперативные контакты с людьми любой национальности, мог вызвать на откровение кого угодно, не в состоянии был найти общий язык со своей женой. Она уехала в Питер, к матери, забрав двоих сыновей-близняшек.

Потом опять были заброски в дальние страны, некоторые из которых у всех на слуху, а о других большинство людей даже не слышало. Но там везде велась вечная глобальная игра. Никита и его ребята возвращались с задания, не потеряв ни одного человека, оставляя за собой пожары, посеченные осколками, протыканные пулями тела врагов.

И вот однажды, вернувшись домой из этого «погружения» – очередного локального ада, где приходилось играть роль то ли ангела небесного, то ли черта с вилами, он услышал на автоответчике настойчивое:

– Никита, ты мне нужен.

Брат очень редко просил его о чем-то. Слишком на многое они смотрели по-разному. Слишком много недоговорок, обид накопилось между ними. Каждый плыл по жизни, выбрав свой курс. Но вот только странно получилось в итоге – Никита Гурьянов, выбравший войну, жив. А Константин Гурьянов, стремившийся к богатству, комфорту и спокойствию, пал, изрешеченный пулями.

Ну и что делать тебе, полковник, на пепелище? Что должен предпринять ты, который прошел через ад, когда дорогие тебе люди убиты?

Сразу после расстрела Гурьянов созвонился с председателем совета директоров компании «Амстан» Владимиром Лупаченко.

– Ты не представляешь, какой это удар для меня, – сказал тот. – Костя... Да что говорить. Нам бы встретиться. Думаю, сегодня ты нуждаешься в помощи.

Гурьянов приехал в только что отреставрированный дом в центре Москвы с бронзовой вывеской «Финансово-инвестиционная компания «Амстан». Просторный кабинет был обставлен дорогой итальянской мебелью. Лупаченко, атлетического сложения, седой, уверенный в себе мужчина – типичный «новый русский» старого разлива, крепко пожал гостю руку.

«Володька Лупаченко из тех, на кого можно положиться», – не раз говорил брат.

– Вот что, Никита Владимирович, – сказал он. – Я понимаю, тебе не до хлопот. С похоронами... Я все организую. О деньгах не беспокойся... Эх, уходят, уходят люди. Жизнь эта проклятая. У кого не выдерживает сердце...

– Кому в сердце стреляют.

Они опрокинули по большой рюмке. Водка была отличная.

– А я даже не поговорил с Костей по приезду, – вздохнул Гурьянов. – Черт, всегда кажется, что впереди много времени. А оказывается, время уже исчерпано. Все, остановка. Шлагбаум.

– Да уж. – Лупаченко налил еще водки.

– За что могли его убить? – спросил Гурьянов. – Ты же имел дела с Костей.

– У Кости было полсотни деловых партнеров. Знаешь, что такое посредничать в многоходовых финансовых операциях? Это длинная цепочка. Где-то происходит обрыв. Кто-то кидает тебя и уходит с деньгами. И деньги висят на тебе. Притом такие деньги, которые ты отдать не сможешь никогда. А к тебе приходит «крыша». Тебя вывозят за город и заставляют переписывать имущество, которое чаще всего не может компенсировать даже малой толики долга. Наконец, если нечего больше взять, тебя убивают. В назидание. Чтобы другим неповадно было. Вся эта система держится на том, чтобы было неповадно. Это тебе не государственный беззубый арбитраж, который налагает штраф в миллион долларов на фирму, у которой на счету сто рублей, и подставной директор гол как сокол. Бандитский арбитр доходит до самой сути.

– И кто ответит за все? – невесело спросил Гурьянов.

– Милиция вряд ли что найдет. – Лупаченко провел ладонью по своим седым волосам. – Хотя бывает всякое...

– Значит, забыть обо всем?

– Ты только самодеятельностью не занимайся.

– Да какая там самодеятельность? – развел руками Гурьянов. – Кто я такой?

– Бывает, люди в таких ситуациях начинают делать глупости... Против танка не попрешь, Никита.

Лупаченко не знал, что Гурьянов имеет отношение к Службе. По легенде полковник был мелким бизнесменом...

Гурьянов сел в кресло, прикрыл глаза. Боль опять нахлынула на него. Не физическая. Когда говорят, что болит душа, это очень точные слова. Это была именно боль. А еще полковник ощущал на себе неподъемную тяжесть, имя которой – горе.

Как пел Александр Городницкий:

И дом твой пуст и разорен,
И ты добыча для ворон,
И гривенник пылится на полу.

Что делать полковнику, прошедшему огонь, воду и медные трубы, который обнаружил: пока он сдерживал врага на дальних подступах, тот пришел к нему домой и разорил его?

Гурьянов выпрямился, встряхнул головой. Нет уж, пока он не добыча для ворон. И не скоро ею будет. У живых же есть свои долги. А долги надо оплачивать...

* * *

– Волк должен иметь острые зубы, братишка, – говаривал Зима, когда на него находило философское настроение. – Без зубов волк – это шкура с мясом. Зубы... У кого это ствол или

кастет, у кого мускулы. А у меня... Вот он, мой зуб, – он быстро выкидывал вперед руку, в которой магическим образом появлялась финка.

Она перелетала от пальца к пальцу, совершала невероятные движения. Владел он финкой так же, как фокусник колодой карт.

– Попробуй, – предлагал он.

Художник пробовал повторить хотя бы одно из движений, и нож падал на пол. Но постепенно тоже начинал оживать. Ученик учился быстро.

– Запомни, перо – это самый уважаемый инструмент. Из пистолета шмальнет любой фраер, – напутствовал Зима. – Ствол – оружие для травоядных. Финка – зуб волка...

После случая с Бузой Художник так и не мог окончательно отойти. Иногда на него накатывали воспоминания. Он вспоминал лицо Бузы, радостный его оскал, когда тот заносил прут над головой. Вспоминал запах из его рта, и к горлу опять подкатывала тошнота. А вслед за ней приходила ненависть. Прошло уже полгода, но этот запах преследовал его.

С Бузой Художник не пересекался – они учились в разных школах, ходили по разным улицам. Но он неустанно рисовал в воображении тот момент, когда они встретятся. Что же будет тогда?

«Волк должен иметь острые зубы». Эта фраза Зимы засела в сознании. И однажды Художник решился. На кухне дома лежал тесак для резки мяса, и вид у него был угрожающий. Художник взял его и потратил целый день, затачивая до остроты бритвы.

Он не верил, что решится на следующий шаг. Но снова подкатывала тошнота, и снова всплывал оскал Бузы.

Художник был с утра как пьяный. Но он окончательно решил для себя, что час настал.

Вечером он подстерег Бузу в парке, когда тот развлекался на скамеечке с Нинкой из пятого дома по улице Гагарина. Она была известной на весь Дедов девицей, изгнанной из школы, стоявшей на учете в милиции, кожно-венерологическом и психиатрическом диспансерах.

Для Бузы вечер выдался удачный. Он вместе со своими прихвостнями обобрал пьяного в дым мужичка, возвращавшегося домой с зарплатой. Нинка тут же выманила у него часть добычи.

Они устроились на самом отшибе, где просторный парк спускался к реке. Художник дождался, пока они закончат свои дела. Нинке что-то не понравилось, она подняла визг. Буза ястребом налетел на нее, ударил несколько раз и отнял свои деньги. В результате она, в голос завывая и отчаянно матерясь, поплелась прочь.

Буза еще посидел на скамейке, икая и посасывая пиво. Потом встал, пошатываясь.

– Привет, Буза, – из-за кустов выступил Художник, держа руку за спиной.

Буза тупо уставился на пришельца. Узнав худую, невзрачную фигуру, широко улыбнулся:

– Чего, козел, за добавкой? Это мы быстро. – Он протянул вперед лапу и шагнул навстречу Художнику. Тот выкинул из-за спины руку с тесаком.

– Ты чего, козел? Ты на кого!.. – отступив на пару шагов, взвизгнул Буза.

Решимость Художника улетучивалась с каждой секундой.

– Брось нож! И делай ноги, пока я добрый! – прошипел Буза.

Художник понял, что его враг до дрожи в коленках боится этого тесака, и шагнул вперед.

– Ладно, сопля зеленая... Расходимся, да? – Буза поднял руки. – Я добрый!

А решимость все уходила, как воздух из проткнутого воздушного шара. Художник уже понимал, что не сможет исполнить задуманного.

Буза тоже понял это. Победно ослабил. И теперь уже сам прикидывал, как бы ловчее кинуться на противника и вырвать у него оружие.

Художник ощутил, как опять пахнуло изо рта Бузы отвратительным запахом. И мир будто поплыл куда-то.

Острая сталь рассекла протянутую руку. Раненый Буза взвыл, в глазах его вспыхнул бенгальским огнем животный ужас.

А Художника эта волна тошноты, подкатившая к горлу, уносила все дальше. Он с размаху, неожиданно легко, всадил тесак в толстое брюхо Бузы. И, выпустив рукоятку, отскочил.

Буза удивленно смотрел на торчащую из его тела рукоятку. Хотел что-то сказать. Упал на колени, держась за вспоротый живот. И заскулил как побитая собачонка.

– Ты чего?.. Ты че, совсем, да?.. – слабо шипел он, корчась.

Художник стоял над ним. Сердце бешено колотилось в груди, душа ликовала, была исполнена сознанием своего могущества. Единственно, чего не было, – жалости. Художник был волком. А Буза умирал, как разделанный мясником хряк...

Тесак Художник выбросил в речку. И вскоре понял, что то самое чувство тошноты не оставило его. И он вовсе не скинул лежавшую на душе тяжесть. И Буза останется с ним на всю жизнь...

* * *

Десять суток провел Влад в изоляторе. Настроение было неважное, но панике он не поддавался. Не в первый раз в подобном положении. Однажды откуковал десять суток – это когда крушил долгопрудненских, напавших на опергруппу РУБОПа. Что ему тогда шила прокуратура? Почти то же самое – превышение должностных полномочий, нанесение телесных повреждений. В другой раз задерживали чеченскую бригаду, убившую заложника. Один из неистовых детей гор промолвил, что теперь он и Влад – кровники, после чего на полгода приземлился на койку в тюремной больнице, а оперативник на двое суток заехал на нары.

Вот только сейчас все было куда подлее. В первые сутки как бы случайно его сунули в камеру к пятнадцати уголовникам, чтобы образумить.

– Мент, – прошел шелест, когда он переступил порог камеры.

Один из старейшин камеры, типичная татуированная психованная уркаганская образина, развязной походкой подвалил к нему и попытался выяснить отношения. Влад взял его за шею, а потом швырнул об стенку. И объявил обалдевшим от такого напора сокамерникам:

– Менты сейчас в ментовке. А я задержанный за то, что козлов, которые детей насилюют, давил. Кто против того, чтобы козлов давить? – Он обвел всех хмурым взглядом.

Против никого не было. В добром уме связываться с разогнавшимся на всех парах Бронепоездом не станет никто.

Потом его перевели в другую камеру, где сидели помощник прокурора, бравший взятки по делам о групповых изнасилованиях, сотрудник налоговой инспекции и три милиционера из патруля, грабившие в свободное время квартиры «новых русских».

Его постоянно вызывал следователь, пытался припереть свидетельскими показаниями и вещдоками сомнительного происхождения. Влад смеялся в ответ.

– А как вы объясните, что, выйдя из ИВС и обратившись в медпункт, гражданин Маничев имел многочисленные телесные повреждения? Вот справочка: – Мокроусов протягивал бумагу.

– Он чего, из офиса Гринписа вышел? – отвечал Влад. – Он из ИВС вышел. Так что спрашивайте его сокамерников, кто ему массаж делал.

– Они показывают, что Маничев жаловался на избиения со стороны милиции.

– Ну и что? Мы же РУБОП, а не прокуратура. Нас уголовники не любят. Вот и оговаривают.

Как и ожидалось, все закончилось ничем. Двери темницы распахнулись. Владу вернули вещи, деньги, пистолет, удостоверение.

Никто его не встречал. На улице было свежо – моросило, а температура упала до пятнадцати градусов. Лето выдалось дождливое и промозглое. Но Влад наслаждался капающими на лицо каплями, резкими порывами ветра и открытым пространством.

На работе в кабинете Ломова не было. Балабин, печатавший документ, аж подпрыгнул на месте:

– Влад! Мы звонили в прокуратуру. Думали, ты к вечеру выйдешь. А то бы встретили.

– Ничего, – отмахнулся Влад. – Как у нас тут?

– Таскали всех в прокуратуру по твоему поводу. Ну уроды там конченные.

Потом Влад отправился к начальнику отдела Казанчеву. Тот встретил его сухо и смотрел не в глаза, а куда-то в сторону.

– Ну что, товарищ командир, давай начистоту. Что за камень у тебя за пазухой? – спросил оперативник.

– Ты не представляешь, какие тут битвы были. И из управления по борьбе с личным составом меня атаквали. И из министерства. Вот, – показал Казанчев на пачку газет. – Это статьи с описаниями страданий Маничева. Вцепились в тебя они, – начальник отдела показал глазами наверх. – Казнить, нельзя помиловать... Ну мы переставили запятую. Так что сегодня – казнить нельзя. Но и миловать никто не собирается... В общем, выторговали мы тебя с условием, что не будешь мозолить глаза.

– Что сие означает?

– Что твое место – вакантное. Собирайся на землю. В отделе участковых тебе местечко нашлось.

– Лучше пропуска у входа проверять. Прекрасно себя чувствуешь, – усмехнулся Влад.

– Чего смеешься?

– Потому что смешно... Давай листок. Рапорт буду писать.

Казанчев протянул Владу листок и авторучку, и тот вывел своим неразборчивым почерком:

«Прошу уволить из органов внутренних дел».

– Не дури, Влад. Через год-другой мы тебя выдернем обратно. А ты пока всех семейных дебоширов переборешь.

– Ты не представляешь, как мне все это надоело.

– Что надоело?

– Извиняться перед насильниками детей... Пока. – Влад поставил размашистую роспись и поднялся. – Привет Политику.

Но если уж началась черная полоса, то тянуться ей и тянуться. Кто-то на небесах будто решил испытать Влада на прочность.

После визита на работу он отправился в приглянувшийся ему уже давно бар на Ленинградском проспекте. Там немножко поднагрузился, что, впрочем, настроение не подняло, и двинул до дома.

– Значит, из командировки? – зло посмотрела Люся на него. После его задержания Николая, чтобы не беспокоить жену товарища, наплел ей о срочной командировке.

– Ага. Из Пензы, – усмехнулся Влад.

– И не мог две недели позвонить?

– Не поверишь – ни секунды времени не было.

– И летал без чемодана, без вещей...

– Срочно надо было. Один бандит авторитетный там нарисовался.

– Ты все врешь. Все врешь. Ты мне постоянно врешь! Твои эти шлюхи!

– Где это ты видела шлюх? Нет у меня на них времени.

– Ты сутками неизвестно где. У тебя на пиджаке женские волосы.

– Один раз. И то тогда рейд по притонам проводили.

– Ты врешь! – крикнула Люся яростно.

Нельзя сказать, чтобы Влад не заруливал иногда налево. Не стеснялся он использовать отговорки типа: «Был на операции». Но сейчас ему было обидно слышать подобные упреки.

– И ты пьян. Ты опять пьян...

– В меру, – буркнул Влад.

– Цветы не даришь. О любви когда в последний раз мне говорил?

Тут его и потянуло за язык:

– Дорогая, ты с головой не дружишь? Двенадцать лет живем. О какой любви?!

– Вот! – торжествующе воскликнула Люся. – Так и скажи – нашел какую-то шлюху!

– Не нашел.

– Ты врешь... Все ты врешь...

– Да, я все вру, – вздохнув, кивнул он.

– Что?

– Я все вру!

В итоге Люся собрала чемодан, с трудом закрыла его.

– Далеко? – любопытствовал Влад.

– Найду кого-нибудь получше. Кто меня как женщину будет воспринимать.

– Хотя бы скажи, кого найдешь. Я его по картотеке проверю. Вдруг брачным аферистом окажется.

– Мерзавец. Какой же мерзавец. Двенадцать лет...

– Коту под хвост, – закончил Влад. – Ладно, или иди или оставайся.

Она ушла.

Папашка у Люси – бизнесмен, у него под Москвой роскошный коттедж. И зятя он считает никчемным дураком, не способным заработать себе на пропитание. Люся поехала к нему изливать слезы.

– Хрен с тобой, красная шапочка, – махнул рукой Влад, когда дверь захлопнулась, полез в портфель и выудил оттуда бутылку беленькой.

* * *

На теле Зимы эксперты насчитали восемнадцать ножевых ран.

Чем он провинился, кому встал поперек – Художник так точно и не узнал. Слухи ходили разные. И что с его наводки взяли воровской общак, и что он стучал милиции. Его, как в старые добрые времена, приговорили на воровской сходке на окраине Ахтумска к смерти и там же привели приговор в исполнение.

Это было через три года после начала их знакомства. За это время Зима многому научил Художника, превратил его в правильного пацана, которому не грех и на зоне перед людьми предстать. Научил играть в карты, вычислять все шулерские фокусы – без умения играть в карты на зоне ты никто. Научил стоять на стреме, вскрывать замки и металлические ящики. Как вести базар с братками, к кому идти на поклон, когда приехал на гастроли в другой город. Зарек не жалеть денег для общака, поскольку оттуда кормится зона. А зона – это место, где, как он говорил, «все будем».

– Без зоны ты не человек. Только там поймешь, кто ты есть. Поставишь себя перед людьми. Взлетишь или упадешь. Еще годик – и собираться тебе туда пора...

С Зимой Художник начал понимать, что такое сытая денежная жизнь, когда мамаша не пропьет зарплату и не будет потом бухаться перед тобой на колени и умолять: «Прости, сынок». Он привык к доступным женщинам и научился их презирать.

Узнал однажды Художник и что такое настоящий, безжалостный разбор. Однажды прямо у подъезда дома расстреляли вора в законе, старого и уважаемого братвой Пантелея, жившего

без роскоши и показухи, как положено по должности. В него всадили семь пуль из пистолета. Восьмая пуля досталась его дворняге. Кто это сделал, гадать долго не пришлось. Гога – бывшая шестерка на зоне, сидевший за изнасилование, по освобождении сколотил бригаду отморожков. Они прикупили оружие, сначала полезли на рынок с требованием платить им дань, потом взялись за кооперативы. Тех, кто отказывался с ними разговаривать, безжалостно прессовали. Пантелей дал понять, чтобы они уняли свой пыл. Тогда пришла и его очередь.

Гогу с двумя помощниками заманили в ловушку – им предложили по дешевке три пистолета «ТТ», и они клюнули. Помощников порезали на месте, а Гогу повезли в лес на разбор. Заправлял экзекуцией приземистый, кряжистый, с кустистыми бровями и низким лбом воровской авторитет Тимоха.

Зима и еще один парень вытащили Гогу из багажника машины, бросили на землю. Тот съежился, издавая какие-то нечленораздельные звуки.

– Ты хоть понял, на кого руку поднял? – спросил Тимоха. – Ты понимаешь, что натворил?

– Это не я! Это они...

– Твоя команда?

– Да! Я не виноват! – Гога пытался оправдаться, умолял оставить в живых.

Художнику он напомнил Бузу, и к горлу подкатила знакомая тошнота. Он возненавидел стоящего на коленях человека.

– Понял, что ты тля, а не человек? – спросил Тимоха, нагнувшись и поигрывая финкой, иногда касаясь шеи пленника.

– Сука я был! Простите!

– Нет тебе прощения...

Тимоха оглянулся и уставился на Художника, усмехнулся со злым задором и протянул ему финку:

– На.

– Э, Тимоха... – попытался возразить Зима.

– Пусть пацан человеком становится! Падлу раздавить – это почет.

Художник взял финку.

Глаза у Гоги были жалобные, как у побитого пса.

– Нет! – вдруг заорал он.

Как и с Бузой, Художник не испытал и следа жалости. Раздавить падлу...

– Молодец, пацан, – похвалил Тимоха, когда все было кончено.

А Зима посмотрел на Художника задумчиво, как-то по-новому.

– Отморозки! Гангстеры хреновы! Кто вы против нас? Вот вы где! – Тимоха, наступив на труп, сжал кулак и громко рассмеялся.

Но Художник понимал, что Тимоха ошибается. Будущее именно за ними – за теми, у кого шикарные машины, стволы за поясом, кто безрассудно мчится вперед. В этой удали и была волчья хищная поступь, а воры все больше напоминали стаю псов, сидящих на ошейниках воровских традиций и предубеждений.

Разочарование его воровским укладом окрепло, когда эта собачья свора разорвала Зиму. Притом ни за что. Ни в стукачество своего учителя, ни тем более в то, что он залез в обшак и стал «крысой», поверить было невозможно.

Когда Зиму приговорили, Художник почувствовал, что в груди сначала закололо, а потом образовалась пустота.

Интересно, что вскоре Тимоху прижали именно те, кого он считал пылью у своих ног, – те самые «хреновы отморозки-гангстеры». Правда, ребята были не чета покойному Гоге. Новая ахтумская бригада состояла из спортсменов, предводительствовал в ней мастер спорта по боксу Гладышев по кличке Боксер. Они быстро стали подминать под себя вещевые рынки, где торговали челноки. А когда схлестнулись с Тимохой, то просто взорвали его ближайшего помощ-

ника Крота. Это был первый взрыв в городе. Гранату привязали к калитке. Убийцы знали, что каждое утро жертва выходит обтереться снегом и пробежаться по улице от инфаркта.

Тогда Художник в очередной раз убедился в том, что наступает время игр без правил. И вспомнил безумные глаза Гоги, который с ужасом смотрел на него, нависшего с ножом. И определил для себя, что истинная власть над людьми – это власть смерти.

Боксер пробыл на свободе недолго. Во время очередной разборки его повязали, он сидел в изоляторе по статье о злостном хулиганстве. Но созданная им команда работала.

Художнику стукнуло восемнадцать, и на следующий день он залетел. С тремя пацанами решил очистить оптовый склад на юге Ахтумска. Там их ждали японские двухкассетники, видеомагнитофоны, звуковые центры – огромное богатство.

Потом уже Художник обдумывал: как оказалась милиция на месте именно тогда, когда воры заталкивали в угнанный грузовик вещи? И пришел к выводу, что кто-то заложил.

Переливчатый свисток, истошный крик: «Стоять, милиция». Предупредительный выстрел. Толчок в спину. Грязь, забившаяся в рот. Наручники на руках за спиной. Все заняло минуту, не больше. И Художник отправился туда, куда готовил его Зима.

Переступал порог камеры СИЗО он с некоторой внутренней дрожью. Хорошо, если попадешь в нормальную «хату», где люди сидят. Ведь сам Художник – человек по всем понятиям правильный. И статья у него правильная, восемьдесят девятая Уголовного кодекса – кража общественного имущества. Но не дай бог к беспредельщикам или к общественникам попасть...

– Етить-крутить! Художник! – обрадованно завопил высокий жилистый парень, хлопнул себя в присядке по бокам.

– Хоша, – кивнул Художник, без особо доброго чувства обняв его.

– Ха. – Хоша вдруг обернулся и ударил ногой по физиономии, высунувшейся из-под кровати.

Под нарами жил опущенный. По ночам любители «приходовали» его как женщину, а остальное время он не имел права смущать своим непотребным козлиным видом почтенную публику.

– Я тут на хате главшпан. А ты по какой статье заехал? – расспрашивал Хоша, пока один из шестерок заваривал чай.

– Восемьдесят девятая, часть третья.

– Хорошая статья. А у меня сто сорок пять. Грабеж. Я вообще жертва вьетнамской агрессии.

С Хошей Художник встречался несколько раз на ахтумских малинах. Тот прозвище получил благодаря вождю вьетнамского народа Хо Ши Мину. Но братва с трудом представляла, кто такой Хо Ши Мин, поэтому прозвали его коротко – Хоша.

Он сколотил шайку из своего родного поселка городского типа Рудня, что в десяти километрах от Ахтумска, и принялся за раскулачивание вьетнамцев.

В то время в Ахтумске масса вьетнамцев-лимитчиков трудилась на текстильной фабрике и химическом заводе. Они спекулировали и выметали дочиста и так небогатые полки магазинов. Самолет на Хо Ши Мин еле отрывался от взлетной полосы, перегруженный барахлом – утюгами, градусниками, одеждой, лекарствами.

Вьетнамцы жили в общагах, но многие снимали квартиры, набиваясь в одну комнату по десять человек, да еще устраивая там склады. Вот по этим жилищам-складам и работал Хоша.

Звонок в дверь. Тонкий вьетнамский голос:

– Кто там?

– Барахло принесли.

Вьетнамцы привыкли, что к ним тащат вещи, преимущественно краденые, и открывали. Тут и врывалась толпа с железными прутьями, кастетами, быстро укладывала желтолицых бра-

теев на пол, избивала и выносила ценности. И никто заявление не напишет – вьетнамцы как огня боялись милиции.

Но однажды грабителей застукал проезжающий мимо патруль. Хоше прострелили бок. Он два месяца провалялся в больнице в СИЗО и еще девять месяцев, пока с трудом тянулось следствие, верховодил в этой камере.

По большей части в камере были случайные люди. Кто-то попал за наркотики, кто-то спьяну дернул сумку. Естественно, Художник стал вторым человеком после Хоши.

– Гадом буду, не будет на меня суда, – говаривал Хоша. – Ни один вьетнамец на суд не придет.

Однажды к Художнику пришла на свидание мать. Почти трезвая, она рыдала, хлюпала, называла его «сынуленька мой» и была ему противна.

Он огляделся и увидел в самом отдалении комнаты для свиданий сидящих друг против друга Хошу и стройную, с немного тяжеловатыми, но приятными чертами лица девушку. Хоша в привычной манере развязного балагура что-то ей втирал. А она, заметив Художника, улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ.

Уже в камере Художник сказал Хоше:

– Какие герлы к тебе ходят.

– Еще и не такие есть. Мы же, руднянские, не просто так. Мы – бригада!

– Как ее зовут?

– Галка, – хмыкнул Хоша.

– Твоя?

– Общественная собственность. Но больше моя.

Вскоре прошел суд по «расистам». Вьетнамцы на суд пришли, а кто не пришел, тех показания зачитали. И Хоша с тремя поделеньниками отправился в колонию.

Художнику не хотелось верховодить камерой, где от одного вида сидельцев, среди которых он был самый молодой, его тошнило. Но пришлось...

* * *

Следователь городской прокуратуры Ешков – здоровенный, кровь с молоком, мордатый, напористый – расположился за столом в просторном кабинете начальника уголовного розыска муниципального отдела милиции. В углу в кресле дымил сигаретой капитан Голубец – оперативник из отдела по заказным убийствам МУРа. Сыщик из РУБОПа – майор Ломов – устроился на подоконнике. В углу, зевая, листал бумаги старший лейтенант Балабин.

Гурьянову все это начинало надоедать. Его допрашивали второй час, притом с дурным напором, будто подозревали в чем-то.

– Чем вообще ваша фирма занимается? – вдруг задал вопрос следователь.

– При чем тут моя фирма? – удивился Гурьянов.

– Отвечайте на вопрос.

– «Глобаль-контакт» занимается сотрудничеством в сфере развития международных бизнес-контактов. Оценка инвестиционных проектов. Международные семинары. Брат не имел к моим делам никакого отношения.

– «Глобаль-контакт», – задумчиво произнес майор Ломов. – Что-то знакомое.

«Ничего тебе не знакомое», – подумал Гурьянов. Фирма эта была призраком, ее использовала Служба для некоторых мероприятий.

– И кто вы в фирме «Глобаль-контакт»? – не отставал следователь.

– Старший менеджер. Заодно переводами занимаюсь.

– Ага, языками владеете, – удовлетворенно кивнул следователь, будто уличил в чем-то непристойном.

– Английский, испанский, арабский.

– Значит, с братом после прилета вы не разговаривали? – в который раз спросил следователь.

– Нет!

Допрос выдохся. Гурьянов готов был помочь следствию, но помочь было нечем. Он ничего не знал, кроме одного слова – «Вика». Однако он понятия не имел, кто это такая.

– Ладно. Мы вас еще вызовем. – Следователь отметил повестку и протянул Гурьянову.

– Я могу теперь попасть в квартиру брата?

– Можете, – кивнул следователь.

Гурьянов покинул кабинет, чувствуя, как его затылок сверлят напряженные взгляды. Он этим людям не понравился. Он смущал их. Они подозревали, что он не совсем тот, за кого себя выдает.

Он сел в свою «Волгу». Покопался в бардачке, ища ключи от квартиры Константина. Брат дал их три месяца назад, перед последней командировкой. Они ехали в автомагазин забирать уже оплаченную игрушку, о которой давно мечтал Константин, – продукт шведского автомобилестроения, новый «Сааб».

– Возьми. – Константин кинул на сиденье ключи. – А то мало ли что случится. Вдруг на голову плита упадет. Чтобы двери не ломать. Дверь новая. Немецкая. Хорошая дверь...

– Типун тебе на язык, – поморщился полковник.

Брат засмеялся. Чувствовал, что ли, опасность? Или знал о ней?

Гурьянов тронул с места машину, покрутился минут двадцать по городу, осторожно проверился. Рванул пару раз на светофорах. Сделал еще несколько трюков для выявления «наружки». Разговор с милицией ему не очень понравился. В дури своей сыщики могли повесить ему «хвост». Но никаких признаков наружного наблюдения не обнаружилось.

Вот и контора. Особнячок у метро «Октябрьское Поле» утопал в зелени и производил весьма мирное впечатление. Но это был один из адресов отряда «Буря».

Командир отряда генерал-майор Рокотов принял его сразу. Генералу было за сорок, но выглядел он гораздо моложе своих лет. Вальяжный, немного рыхлый, в дорогом сером костюме, он напоминал больше руководителя какой-нибудь компании.

Первое задание Гурьянова в «Буряне» – тогда Рокотов был командиром группы. Они шли по душманской территории за важным грузом. И попали в дикую мясорубку. Казалось, выйти из этого пламени невозможно. Но они вернулись все до единого. Рокотов очень редко терял людей.

– Неважно выглядишь, – сказал генерал. – В командировку не хочешь? Тебе нужно проветриться.

– Мне нужен отпуск.

– Та-ак... – Рокотов посмотрел на него испытующе. Он слишком хорошо знал своих людей, чтобы представить, как все будет. – Мы надавим на органы. Они лягут костями, но найдут убийц.

– Никто костями сейчас не ляжет. Это только мы можем ложиться костями. А эти... – Гурьянов отмахнулся.

– Я подниму всех наших «безопасников». Это их стихия. Они раскопают.

– Они не сделают это лучше меня.

– Здесь не Афган и не Ангола, Никита... Ты понимаешь, что я не должен тебя отпускать, – устало вздохнул Рокотов.

– А вы должны понять, что я не могу не идти.

Шеф видел – боевая ракета вышла на курс. И резко спросил:

– Хорошо, какие ресурсы нужны? Выкладывай расчет. Люди. Оснащение.

Рокотов не имел права не только предлагать, но даже заикаться о таком варианте. Использование сил и средств отряда «Буран» внутри страны запрещено категорически. Однако бросать в подобной ситуации своего сотрудника на произвол судьбы он не мог.

– Нет, – отрезал Гурьянов. – Это мое дело. Личное...

– Ты – в Службе. И личных дел у тебя быть не может.

– Не было. Теперь есть.

Генерал покрутил в пальцах пластмассовую авторучку. Фактически начальник одного из его основных отделов просил разрешения на личную вендетту.

– Пиши рапорт. Месяц отпуска. При осложнении ситуации сразу на контакт. – Ручка хрустнула в пальцах Рокотова.

– Только не надо за мной присматривать.

– Обещаю, – неохотно произнес генерал. Это далось ему с трудом, потому что он имел привычку слово свое держать...

Ну а дальше – в квартиру брата. Гурьянов сорвал бумажную ленточку с печатью прокуратуры и вошел внутрь.

Еще недавно квартира была наполнена жизнью. Здесь звучали голоса, смех, велись беспечные разговоры, на плите жарилась яичница, в прихожей на полке накапливались прочитанные и непрочитанные газеты. Теперь тут никогда не будет как прежде.

Он был тут сразу после убийства. Здесь толпились оперативники, понятые. Они осматривали все с видом старьевщиков, разглядывающих ставшие никому не нужными ветхие вещи. У вещей такая судьба – они часто переживают своих хозяев. Гурьянов тогда вышел отсюда в числе последних и видел, как следователь закрывает и опечатывает дверь.

Что-то кольнуло его, когда он вошел в большую комнату.

Когда он в прошлый раз покидал квартиру, порядок в ней был несколько иным. И вещи были разбросаны по-другому. Кто-то здесь побывал, осторожно отклеив печать, а потом вернув ее на место...

* * *

Недолго Художнику пришлось править в камере следственного изолятора. Дело в отношении его передали в суд.

Признав свою вину, он попросил прощения у честных людей и умолял не лишать свободы. Но получил два года в шестой исправительно-трудовой колонии в Калачевском районе. Там устроился на блатную должность в клубе, где малевал плакаты с изображениями счастливо улыбающихся заключенных, вставших на путь исправления.

На зоне царил не воровской закон и даже не понятия, а беспредел. В то время любимой темой журналистов вдруг стало бесправное положение эков, так что в ИТК-6 повадились правозащитники и корреспонденты. Для смеха Художник продемонстрировал юной, напористой и наивной сотруднице «Комсомольской правды» собственные рисунки и напел о том, как он, молодое дарование, вынужден был красть, чтобы мать, оставшаяся без работы, не умерла с голоду. Эта история вышла в газете с его фотографией.

Удивительное дело – чем больше на зоне появлялось правозащитников и журналистов, тем хуже становилось там. Администрацию колонии так прижали, что она предпочитала не связываться ни с кем, воцарялся невиданный бардак. Предприятие, обеспечивавшее ИТК-6 заработком, почти остановилось, работы для эков не было.

Беспредельщиков приходило все больше. Шпана, психи, наркоманы будто с цепи сорвались и баламутили зону. Третью сидела за изнасилования – таких раньше опускали, а теперь всех не опустишь, и они тоже пытались взять верх. Правильные пацаны, те, кто пришел сюда

по велению сердца и по направлению своих наставников, пытались держать оборону. В этой компании Художник обнаружил Хошу.

В каких только переделках не побывал тогда Художник! И с каждым днем только набирался холодной ярости, ненависти и уверенности в себе. Вот он стоит напротив отморозка, размахивающего заточкой. У Художника в руках ничего, и он кричит:

– Режь!

В горло вдавливается острое заточки. Но Художник, не обращая на нее внимания, двигается вперед. Лезвие прокалывает кожу, течет кровь.

В глазах противника страх. Художник знает, что у того не хватит духу.

– Давай! – кричит он, зная, что противник отступит.

И тот отступает.

Художник же быстро понял, что отступать нельзя никогда. Через два месяца с новым своим корешем, слегка чокнутым, готовым за пачку чая подписаться на что угодно, он душил того своего врага подушкой.

Самое смешное – врачи дали заключение, что тот умер от сердечного приступа. Администрации было не до незапланированных жмуриков. Лишнее ЧП – это комиссия из управления, а хозяину (начальнику зоны) надо полковника получать.

В один прекрасный день на зону перевели Боксера – того самого главаря бригады спортсменов, терроризировавшей Ахтумск. И он объявил, что теперь тут будет его порядок. Он взял в кулак отморозков, которые составили основу его боевой дружины. С некоторыми блатными заключил пакт о ненападении. Другие авторитеты попытались было катить на него бочку.

– Ты же Крота пришил, подручного Тимохи, – сказали они ему однажды. – За это отвечать надо.

– Я убил? – усмехнулся Боксер. – Обоснуй.

Блатные погорячились, поскольку обвинения обосновывать было нечем. Зато Боксер, воспользовавшись возможностями своей бригады на свободе, накопил «компру» на основных блатных заводил зоны и двоим сделал «предъяву по понятиям». В результате стал некоронованным королем зоны. А Художник в очередной раз убедился, что будущее за ними – за новой волной, гангстерами, денежными, уверенными в себе, лишенными предрассудков, соблюдающими воровские законы и понятия только тогда, когда им это выгодно.

– Ну а ты, волчонок? – однажды вызвал Художника на разговор Боксер, присматривавшийся к молодому, серьезному парню. – Ты тоже мной недоволен?

– Главное – не мешаю, – сказал Художник.

– Умно поступаешь, – кивнул Боксер.

– Но и не помогаю. Я в клубе картинки рисую. Мне все ваши разборки по барабану.

– Ну смотри, Художник. Не просчитайся...

Боксер оставил его в покое. Хотя и продолжал присматриваться.

Постепенно Боксер все круче заправлял зоной. И решил однажды, что настало время показать себя. Главная проблема состояла в том, чтобы «оглушить» оперчасть, перекрыть поток информации от ее негласного аппарата.

– Кто в административную зону шаг сделает – удавлю, – выдал он однажды свое указание.

Теперь каждый, кто по каким-то нуждам оказывался в той части колонии, где находилась администрация, автоматически записывался в стукачи. Прослеживались все контакты оперативников, и оперчасть осталась без ушей и глаз.

В ответ Боксера поместили в штрафной изолятор, и прапорщики-контролеры отработали его от души дубинками, сковав для верности сильные руки наручниками. На ринге Боксера так не били никогда. Но он выдержал.

– Сочтемся, – только и прошептал он.

Он привык держать удары. И опять поднялся с ковра ринга на счет «девять». Чтобы нанести мощный ответный удар.

Через пять дней на зоне поднялся бунт.

Кто был его заправилкой, догадаться нетрудно. Сценарий был примерно, как на броненосце «Потемкин». Клич типа: «Честных эков мясом с червями кормят!» Слово за слово, тарелкой по столу, и зона встала на дыбы. Эки выкинули охранников со щитами и дубинками за ее пределы. Забаррикадировались мебелью. Извлекли из тайников заранее заготовленные металлические пруты, холодное оружие. И стали требовать представителей Комиссии по правам человека ООН и помощника президента, чтобы донести до них правду о произволе администрации. Заодно избили до потери пульса всех, кого подозревали в сотрудничестве с оперчастью, при этом, как водится, в большинстве случаев били не тех.

Бунт разрастался. Эки захватили одно из административных зданий, взяли в заложники медперсонал санчасти.

Длилось противостояние три дня. Руководство УВД и прокуратура Ахтумска боялись применять силу – времена нынче новые, как бы не загреметь во враги демократии со всеми вытекающими последствиями. Но другого выхода не было, и, наконец, прозвучал приказ о введении на зону сил спецназа УИНа и областного ОМОНа. И пришел час расплаты. Битва была как в Средние века. Закованные в бронежилеты, в касках, с плексигласовыми и металлическими щитами бойцы неторопливо продвигались вперед. А по щитам барабанили камни, железные болванки. Кто-то поджег бензин и покрышки, над зоной стелился черный дым. Вспухала дымными цветами «Черемуха», но слезогонка не особенно помогала. И случилось то, чего не могло не случиться, – прозвучали выстрелы.

Хоша хотел было тоже двинуть в гущу драки, но Художник осадил его:

– Ты за Боксера свои бока под ментовские демократизаторы подставишь?

Так что забились в закутке клуба и в битве участия не принимали. И под основную раздачу, когда резиновые дубинки гуляли по эковским ребрам и выбивали дух у особо строптивых, не попали. Когда менты их нашли, уже все закончилось. Боевой угар у бойцов правопорядка вышел, и досталось укрывавшимся всего несколько ударов дубинками – в сравнении с тем, что получили другие, это было просто ласковым поглаживанием.

Уже когда бунт подавили, Боксера отправили в другую зону – для строптивых. Активных участников массовых беспорядков осудили, накрутили срока и перевели на более строгий режим, Художнику и Хоше приспешники Боксера пробовали сделать предьяву – мол, прятались за спинами, когда даже опущенные бились, не щадя живота, за правое дело.

– Бунт был неправильный по всем понятиям. Никаких целей он не преследовал, кроме того, чтобы Боксера потешить, – заявил Художник. – Вот за такое надо держать ответ.

После всех этих баталий гайки закрутили. А тут еще пришел Валуй – умный и жесткий блатной авторитет. Одного из шустрых последователей Боксера, пытавшегося как встарь держать масть, удавили и повесили в сортире – якобы сам руки наложил, не вынес разлуки с любимым паханом. Еще двоих сделали дамами легкого поведения. И установился порядок, который устраивал и уголовников и администрацию...

Хоша вышел на свободу на год раньше Художника.

– Мы теперь братья, – сказал он ночью перед выходом, резанув по руке и накапав крови в стакан с водкой.

Художник не верил в такое братство. Не верил и Хоше – балагуру и истерику, с головой, забитой самыми дурными фантазиями и прожектами, типа ограбить Алмазный фонд или смыться в Америку и «дать просрать всей их козе ностре»... По большому счету, Хоша был ребенок, только сильно испорченный.

– Я тебя встречу, как выходить будешь. Мы теперь – до гроба, – пообещал Хоша, выпив водку с кровью.

– До гроба, – кивнул Художник, последовав его примеру, но как-то зловеще прозвучали эти слова.

Художник был уверен, что никто его по выходу не встретит. Год на воле Хоша просто не выдержит. Первый же безумный план приведет его обратно в тюрьму или прямоком в могилу.

К удивлению своему, Художник, выйдя со справкой об освобождении за порог ИТК-6, застал комитет по встрече на двух машинах – «ВАЗ-2106» и подержаном «Форде Фиеста». Хоша в кожаной куртке, с золотой цепью поверх майки «Пума», с бритым затылком, выглядел типичным бандитом новых времен.

– Художник, брат, – распахнул он свои объятия.

С Хошей было еще четверо. Один, тупомордый жлоб с угрожающим взором, эдакая бездумная туша весом за сто кило, носил кличку Блин. Пожимая руку, он сжал ее так, что Художнику показалось – кости треснут.

Армен – смугловатый атлет, говоривший без всякого намека на акцент, – был, скорее всего, из обрусевших армян. Третий, Брюс, широкоплечий, с набитыми по-каратистски кулаками. Последний персонаж выпадал из этой молодежной компании – красномордый мужичонка лет сорока пяти, в дорогом пальто и ондатровой шапке, которого представили как дядю Лешу, и отношение к нему было ироничное, но вместе с тем уважительное.

– Это мои кореша, – поведаль Хоша. – Веселые ребята... Ладно, ныряй в тачку и в путь. Пить, гулять, потом говорить. Годится?

– Сойдет, – кивнул Художник без тени улыбки.

Хоша вел «Форд Фиесту» лихо, легко, опасно, как водят водители-первогодки, каждую секунду рискуя не справиться с управлением и угодить в кювет. Он, казалось, был искренне рад происходящему. Чего не скажешь о Художнике, который не представлял, что ждать от этого комитета по торжественной встрече.

– Пацаны – кремень, – комментировал на ходу Хоша. – Мы – команда. Все земляки. Все из Рудни.

– «Расисты»? Это ты с ними желтомордиков чистил?

– С Арменом и Блином. Тут еще не все наши. Но самые лучшие пацаны – со мной.

– И чем занимаетесь?

– Деньги подбираем. – Хоша потрогал золотую цепь.

«Златая цепь на дубе том», – пришли в голову Художнику строки великого поэта.

– Там, где они плохо лежат... – Хоша помолчал, потом спросил: – Художник, ты об автобусе на Ельневской трассе слышал?

В газете прошла информация об этом «преступлении века». Комментарии были однотипными: уголовники распоясались, власть бессильна. Действительно, атаковать на трассе автобус с челноками и подмыть у них тридцать тысяч баксов – это лихо.

– Наша работа, – с гордостью сообщил Хоша.

– Что?!

– А ты думал! Команда веников не вяжет!

* * *

Рапорт об увольнении из органов внутренних дел Владу подмахнули моментально. Восемнадцать лет выслуги, два года до пенсии. Ну не хочет человек доработать – ну и ладно.

Быстро сдав дела, пройдя медкомиссию и получив расчет, Влад пьянствовал три дня. На четвертый к нему заявили гости. Точнее – один гость. Но какой...

– Ба, разведка! – Влад, с утра уже слегка поддатый, распахнул объятия.

– Привет, ментовская душа. – Гурьянов похлопал его по плечам.

Влад вздохнул и покачал головой. Господи, как вчера все было. Почти два десятка лет прошло. Владу только исполнилось двадцать, и был он бесшабашным сорвиголова, лихой и отчаянный старшина-десантник, за спиной которого было участие во многих успешных операциях. Он считал, что ему и его ребятам море по колено. И было жаркое, пыльное афганское лето.

– Вы поступаете в полное распоряжение товарища старшего лейтенанта, – сказал командир батальона.

– Мне нужно двадцать человек, – окинул строй старший лейтенант. – Добровольцев.

В добровольцах недостатка не было. Горячее дело – это как подарок. Десантники в то время еще были охвачены веселым азартом войны.

Конечно, никто из десантников не знал, что старший лейтенант не имел отношения к штабу сороковой армии, числился советником пятого управления ХАД – Министерства безопасности Демократической Республики Афганистан. Оперативников отряда «Буран» тогда разбросали под видом советников по всему Афгану, снабдив спутниковыми системами связи.

Десантники не слишком жаловали штабных, особенно на боевых выходах. Штабные давно оторвались от полей, и в боевой обстановке обстрелянный сержант даст фору кабинетному офицеру. Но старлей – широкоплечий, с деревенским простым русским лицом – сразу показал свою хватку. Объяснял задачу четко и ясно. Задавал вопросы в точку. В общем, был специалистом.

– Задача – уничтожить караван из Пакистана, – проинформировал он. – И забрать груз, по возможности не повредив.

«Вертушки» выбросили группу на каменистую безжизненную почву и ушли в бледное синее небо. До цели топали пару десятков километров, и Влад еще удивлялся, насколько легко они давались штабному. И засаду старлей организовал толково, ничего не упустил.

К засаде в ущелье караван подошел ночью. Он состоял из нескольких машин – двух грузовиков и нескольких легковушек с открытыми кузовами, в которых были установлены на станинах крупнокалиберные пулеметы. Впереди шла дозорная машина – ее было отлично видно в приборы ночного видения.

Душманам не оставили никакого шанса. Небо прочертили осветительные ракеты. Дозорная машина разлетелась от выстрела гранатомета. Пули прошивали грузовики и легковушки, душманы сыпались на землю, искали укрытий и не находили их. Заработал автоматический гранатомет «АГС-17». И вскоре все было кончено.

– Сигнал «Причал», – крикнул старлей радисту.

Это означало, что вскоре подоспеют «вертушки» для эвакуации.

Тут и произошло все. Влад в свете пламени горящей машины видел зашевелившегося моджахеда. Видел злорадное торжество в его уже покрывавшихся пленкой смерти глазах. И ствол целился прямо в грудь старшине. И не успеть ничего – ни отпрыгнуть ни выстрелить.

Прогремела очередь. Душман дернулся и замер.

– Не зевай, – прикрикнул старлей, выбрасывая магазин и заряжая новый.

Это был первый раз, когда Гурьянов спасал Владу жизнь.

Потом случилась еще одна вылазка. Цель держалась в секрете, Влад ее так и не узнал, поскольку все планы рухнули: группа наткнулась на душманский заслон в проклятых горах. Гурьянов почувствовал непорядок за несколько секунд до того, как загрели выстрелы, и тем самым спас многих ребят. Несколько часов длился казавшийся бесконечным кошмар боя. И наконец появилась долгожданная «вертушка».

Вертолет садился на скалу одним колесом, и летчик, перекрикивая вой винтов, истошно орал:

– Никого не осталось, старлей! Уходим!

И ему вторил грохот душманских стволов – того и гляди шальные пули вопьются в борт «Ми-8», разворотят движок – и тогда все!

– Подожди! – Гурьянов рванулся за камни. И вытащил мотающего головой контуженного Влада.

Потом навестил старшину в госпитале в Кандагаре, где тот недурно проводил время в покое и сытости, не обделенный вниманием хорошеньких медсестричек.

– Два-ноль, – сказал Влад. – Вы мне два раза спасли жизнь. Я – должник.

– Брось. Это все детство, – отмахнулся Гурьянов. – Даст бог, встретимся.

Снова их пути пересеклись в Чечне девяносто пятого. Нужно было накрыть душманский узел связи в горной местности, частично контролируемой федералами, и захватить двух инструкторов-турок. Служба решила действовать чужими руками. Гурьянову придали группу СОБРа, которую возглавлял Влад.

– Ну, привет, старшина, – улыбнулся Гурьянов.

Операция прошла успешно. Потом Гурьянов появился у Влада в Москве с бутылкой. И оба этих человека почувствовали, что связывают их стальные тросы, которые не порвать.

Порой они встречались регулярно, коротая часы за воспоминаниями. Но чаще Гурьянов исчезал на долгие месяцы. И оба знали, что всегда могут прийти друг к другу, сказать – нужна помощь, и, как бы трудно и рискованно это ни было, помощь будет. Любая.

– Давно не виделись. – Влад пропустил дорогого гостя в квартиру. – Где был?

– В жарких странах... Загул? – Гурьянов кивнул на пустые бутылки.

– А что? Я парень свободный. Холостой.

– С каких пор?

– С тех пор, как вышел из тюрьмы. С тех пор, как поперли с работы. И с тех пор, как от меня ушла Люська.

– Крепко закручено. Докладывай.

– Перессорился с властью имущими, и меня сначала кинули в камеру, а потом попросили с работы. А Люська отвалила, потому что я бездушный и не дарю ей цветы... Ты как, разведка?

– Плохо.

– Что? – Влад напряженно посмотрел на друга, уловив что-то тягостное в его голосе.

– Константин умер... Его, Лену и Оксану расстреляли в машине.

– Дела... – сдавленно произнес Влад. Он прекрасно знал и Константина, и Лену, и Оксану. И в шутку говорил Косте: «Ты жену-то не слишком тирань. Такая женщина. Отобью ведь».

Гурьянов подробно рассказал об убийстве.

Влад взял два стакана, полез в холодильник, вытащил бутылку водки. Не чокаясь, поднес стакан к губам. Но отставил его и, пристально глядя на друга, спросил:

– Соображения твои? Кто? За что?

– Скорее всего, бизнес, – сказал Гурьянов. – Профессия бизнесмена, выходит, опаснее спецназовской. Я жив. А он... Какие шансы, что найдут убийц?

– Если по статистике, то каждое четвертое заказное убийство раскрывается... Трудность тут в том, что нужно вытянуть всю цепочку: заказчик – посредник – исполнитель. Исполнителей иногда найти удастся, но они – лишь орудие. Заказчики осуждаются крайне редко. Сам знаешь – въедливые адвокаты, добрые судьи, оправдательный уклон. Вся система сейчас работает на одно – чтобы, не дай бог, крупный бандит не оказался на скамье подсудимых.

– Я знаю. Все гниет.

– Что предпримешь?

– Не знаю, – пожал плечами Гурьянов.

– Ты ведь уже все решил для себя, разведчик.

– Я не хочу, чтобы их нашли и судили.

– Ты рассчитываешь на меня, разведка, – не вопросительно, а утвердительно произнес Влад.

Гурьянов неопределенно махнул рукой.

– Правильно рассчитываешь... На хрен. – Влад размахнулся и запустил бутылкой в угол, водка разлилась по ковру. – Сухой закон... Правда, я уже не опер. Но все равно. Есть ли гора, которую мы не своротим? Работаем, разведка.

– Работаем, старшина.

Часть II. «Потому что мы команда!»

Когда Художник услышал про ограбленный автобус, он понял, что с Хошей ему не по пути. Если ты нормальный человек и не посещаешь психиатров, то не пойдешь грабить автобус, рискуя тем, что вся милиция России будет искать тебя.

Вот только упустил несколько моментов. Он и представить не мог, как за те два года, что он провел за колючкой, подрос на воле беспредел. Гангстеры расправили плечи, затоварились оружием, милиция же отдыхала от забот, философски рассудив, что всех бандитов не переловишь.

– Куда едем? – спросил Художник, когда Хоша повернул на дорогу, ведущую на юг от Ахтумска.

– У нас там хата в деревне. Место тихое. И прием тебе будет как в лучших домах Лондона. Вся дорогу Хоша восторженно расписывал радужные перспективы.

– С тобой, брат мой, мы весь этот городишко на уши поставим. Потому что мы команда!

Городишком он именовал не тридцатитысячный Дедов и не пятнадцатитысячную Рудню, а почти миллионный Ахтумск. Говорил о нем, как о кулацкой деревне, куда послан с продотрядом: мол, проблем нет амбары растряссти.

На окраине деревни стоял покосившийся дом, из трубы которого уютно валил белый пушистый дым. И банька, судя по всему, уже была протоплена.

В доме ждал ломящийся от припасов стол. Сутились две девки: одна молоденькая, лет девятнадцати, густо крашенная, с грубоватым хриплым голосом – Варька. Вторая – та самая Галка, которая приходила на свидание к Хоше.

Прямо с порога Хоша сграбастал Галку и расцеловал, запустив холодную руку за вырез кофты, от чего девушка пронзительно взвизгнула:

– Отлезь, кобель!

Хоша притворно заурчал, поволок ее в угол и тут же отпустил.

Глаза Художника встретились с глазами Галки. И ее взор был многообещающим.

– Эта бикса моя, – сразу расставил акценты Хоша, обняв девушку. – Чего, овца совхозная, вру?

– Не врешь.

– Во, чтоб все знали...

На столе были и балыки, и ветчина, и икра с осетринкой, на сковороде шипело мясо с божественным ароматом. Художник, отвыкший от такого великолепия, жадно сглотнул слюну.

– Не, Художник, ну ты мог такое представить, парясь на киче? – Хоша отхлебнул из горла виски.

Ему очень хотелось похвастаться, продемонстрировать свои достижения. И Художник вовсю подыгрывал ему, зная волшебную силу лести:

– Да, закрутел ты.

– Не стесняйся, братуха, – смеялся Хоша, намазывая на хлеб паюсную икру и протягивая Художнику. – Еще и не так оторвемся! Чертям тошно станет!

Набрались прилично. Дядя Леша выбыл из гонки первым, свернулся на продавленном диване в углу и сладко засопел. Блин, пробурчав что-то типа «все вы суки», перевернул бутылку с джином, поднос с пирожками и захрапел, уронив морду в тарелку.

– Не обращай внимания. У Блина проблемы с мозгами. Но он наш в доску... А вот ты, Художник? Ты с нами или против нас? – Хоша прицелился в тарелку с солеными огурчиками, ткнул вилкой и промахнулся, отбросил вилку.

– Ну уж точно не против.

В своих компаньонах Художник разобрался быстро. Ребята были веселые, духаристые, как шпана, которая может весело обчистить в подворотне подгулявшего ффраера, весело развести залетного лоха, весело размолотить кому-нибудь морду или разнести вдребезги частное кафе, отказавшееся платить дань. Их жизнь – сплошное веселье. Но все они, кроме Хоши, по большому счету, пороха не нюхали. Они не знали, что это не особо весело, когда тебе вертухаи ломают ребра. И совсем не весело, когда тебя суют в камеру, где температура выше двух градусов не поднимается. И совсем грустно, когда на разборе нож царапает твою кожу. И они свернут себе шею.

Художник решил уже было отчаливать под благовидным предлогом в сторону. Но остался. Потому что утром, выпив рассола и сняв головную боль, разговорился с дядей Лешей – тем самым потертым алкашом. И узнал немало интересного, в том числе и о разбойном нападении на автобус с челноками.

Дядя Леша оказался бывшим дежурным райотдела милиции, майором, изгнанным из органов за беспробудное пьянство. Его подобрал Хоша у пивного ларька в Ахтумске, когда тот обсуждал с каким-то бомжом, как бы сам на месте бандитов грабанул междугородний автобус. Хоша прислушался, идея ему показалась настолько элементарной и красивой, что он подошел к дяде Леше и спросил:

– Как насчет пивка?

– Дело полезительное, – с достоинством произнес дядя Леша.

Они пристроились в пивной.

– Сейчас время такое – купоны стричь, – говорил дядя Леша, прихлебывая пиво. – Ох, сколько возможностей подобрать валяющиеся под ногами деньги!

– И чего ты купоны не стрижешь? – поинтересовался Хоша.

– Стар. Слаб. Убог.

У Хоши было одно выигрышное качество – он умел собирать вокруг себя людей, наделенных самыми различными талантами. Из него мог бы выйти неплохой администратор, если бы не его буйный темперамент и порочные наклонности. Он моментально сообразил, что дядя Леша – кладезь необходимой информации и ментовской мудрости и голова его отлично работает, даже во хмелю.

– Поработаешь на нашу команду? – спросил Хоша в тот день.

– Можно. Только одно плохо.

– Чего не нравится?

– Сам ты, Хоша, умишком не сильно блещешь...

– Ты чего, старый пень, борзеешь?!

– Так истину тебе глаголю, сынок. Будешь делать, что я тебе говорю, будешь сыт, одет, обут и нос в табаке. Я дурного не посоветую...

Бывшего милиционера пригнали. Хоша навел о нем справки и выяснил, что тот всегда был жаден до выпивки и легких денег. Но вместе с тем прошел все милицейские службы, обладал живым умом и, если бы не пил, стал бы генералом.

Будучи принятым в команду, бывший мент загорелся энтузиазмом. Он перестал надираться с утра и для начала выдал две железные наводки на упакованные квартиры в Ахтумске, расписав, как их проще взять. И руднянские без труда обнесли жилища бармена из интуристовской гостиницы и одного из торгашеских авторитетов. На вырученные деньги купили три пистолета «ТТ», автомат «шмайсер» времен войны.

Идти на автобус не решались долго. Хотя план дядя Леша разработал с учетом всех возможных вариантов развития событий.

– Получится? – спросил Хоша, заметно нервничавший перед этим делом.

– Если не наделаете глупостей, все получится, – заверил дядя Леша.

Автобус бандиты тормознули, используя милицейскую форму и жезл, которые остались у дяди Лешы. Прошло все без сучка и задоринки. Бывший дежурный прекрасно знал, в каком порядке и в какой последовательности задействуются милицейские силы на его территории...

По-настоящему доверительно Художник разговорился с дядей Лешей на третий день пьянки по поводу своего освобождения. В это время остальные братаны или дрыхли без задних ног, сморенные огромным количеством спиртного, или смотрели телевизор, а Хоша мял в спальне Галку.

– Вижу, в раздумьях, – улыбнулся дядя Леша, садясь напротив Художника.

– Есть немножко, – кивнул виновник пьянки.

– Я тебе что скажу. Хоша – парень дурной, но не промах. С ним можно дела закрутить.

– Например, Ахтумск завоевать?

– Ахтумск не Ахтумск, но, если с умом подойти, свой кусок хлеба с икоркой иметь можно. Деньги кое-какие на раскрутку после автобуса остались. Плешку около железнодорожной станции Рудня, где шмотьем торгуют, Хоша взял, теперь нам там отстежка идет. Сейчас сколько фирм объявилось, сколько толкучек пооткрывалось... А еще приватизацию рыжий бес объявил, и там деньги бешеные. А где деньги, там дележка. Всем достанется, кто клювом не прощелкает... Автобусы грабить – детство. Если с разумом взяться за дело, то...

– Если с разумом, – скептически скривился Художник.

– Элементарная вещь. Расчеты между коммерческими предприятиями сейчас идут на девяносто процентов черным налом, вне бухгалтерии. И кидалово сплошное вокруг, долги, финансовые споры. К кому обманутый торгош пойдет? В суд? В милицию? Там его самого посадят. Так что к бандиту он пойдет.

– Это факт.

– Хочешь откровенно? Мне на старости лет так охота по-человечески пожить. Но с Хошей... С ним просто беда. То человек как человек, а то дурь найдет – всех под нож! Или упрется как осел там, где упираться не надо. Кто-то нужен, кто его притормозит, остепенит. Ты с виду немного сопливый, только – не обижайся... Но парень башковитый. И дури у тебя куда меньше, чем у других.

– Благодарю за доверие!

– А ты не ершишься. Старика лучше послушай... Мы большие дела будем делать. Не уходи. Оставайся.

Художник усмехнулся – старый мент будто читал его мысли. И неожиданно для себя согласился остаться.

Вступление в команду Хоша обставил с уже знакомой Художнику показухой. Каждый капнул немножко своей крови в стакан с водкой, отпили по глотку. И теперь считались кровными братанами. Игрушечный ритуал.

Художник достаточно быстро въехал в ситуацию. Хоша верховодил в бригаде, но дисциплина оставляла желать лучшего. Блин после выпитой бутылки зверел и становился неуправляемым. Каратист Брюс и его правая рука Башня, вымахавший с коломенскую версту, злобный и недалекий, были ближайшими сподвижниками Хоши и считались ядром бригады. Ума они не имели и были прилично «отмороженными». Армен – парень немногословный, надежный, с характером, успел повоевать в какой-то горячей точке, так что видом крови его не испугать. Иногда покуривал травку, но более тяжелыми наркотиками не баловался.

Еще к бригаде прибилося несколько человек для массовки – шпана из Рудни. Там недостатка в таком человеческом материале сроду не было. Идешь по поселку – и везде туземцы на корточках сидят, за жизнь базарят: это такая чисто эковская привычка. С детства они обирали прохожих, били шоблой людей в переулках, из дома не выходили без кастета и ножа, и зубы им повыбивали в милиции. Они знали, как по понятиям жить. С ними проблем не будет, лишь бы они чувствовали в пахане силу.

Девушки присутствовали в команде с самого начала. Варвара участвовала еще в былинных «вьетнамских войнах» – она милым голоском ворковала, что из ЖЭКа, и вьетнамцы открывали двери, после чего туда врывались «расисты». Она уже отличилась и в новой бригаде во время налета на интуристовскую хату – убедила хозяина открыть дверь, чтобы расписаться в телеграмме.

К чести Хоши, год на свободе он потратил не зря. Успел пустить пыль в глаза, так что теперь не только в Рудне его стали считать крутым. К нему уже обращались местная шпана, торгаши и барыги как к третейскому судье в конфликтах. Суд он старался вершить по справедливости, понимая, что в период утверждения нельзя «крысить» по мелочам.

Но быть разводящим у всякой шелупони, у сигаретных торгашей на плешке и хозяев ларьков – слишком убого. Акулы не живут на мелководе. Сейчас от правильно выбранного курса, да еще от удачи зависело – поднимется бригада наверх в бандитской иерархии или рухнет с грохотом в черную пропасть. Нужно было срочно искать выход на серьезных людей и серьезные дела. Расширять зоны влияния. Нужен был качественный скачок.

На этом перепутье и застал команду Художник по выходе из колонии.

– Работа нужна. Нужна работа, – нервно талдычил на очередном сходняке все в том же деревенском доме Хоша.

– Будет тебе работа, сынок, – заверил дядя Леша. – Нам водки не надо, работу давай!

Через три дня дядя Леша, используя старые связи, нашел то, что давно искал, – клиентов-бизнесменов из Ахтумска. Пусть пока мелковатых и жидковатых, но лиха беда начало. Начинать надо с малого.

Суть вопроса была в следующем. Одни челноки задолжали другим достаточно увесистую сумму, отдавать ее наотрез отказывались, ссылаясь на то, что кредиторы тоже когда-то на чем-то их прокинули. Обе стороны уже третий месяц мерились матюгами и пустыми угрозами. Тут и подвернулся дядя Леша с предложением уладить дело.

Должники были из технической интеллигенции. Люди тихие, к грубому насилию не привыкшие, они таскали из Польши барахло чисто из необходимости выжить в новых рыночных отношениях, когда на родном заводе годами не платят зарплату, а ту, что иногда платят, не хватает и собаке на пропитание.

При обсуждении плана Художник метко высмеял и отмел дикие предложения вроде того, чтобы вывести должников в лес и пытать паяльной лампой.

– Вы чего, боевиков насмотрелись? – спросил он соратников. – Вы где живете? Тут не Америка!

– Да ладно тебе стрематься! – хохотнул Блин. – Размажем фраеров, не пикнут. Мы кто. А они... Разница!

– Это ты на шконке, когда тебе ласты завернут, объяснишь, кто ты. Только дураки работают молотком там, где отвертка нужна.

– Э, ты не очень-то... – набычился Блин.

– Ша, пацаны, – поднял руку Хоша. – Художник, говори.

Художник выдал свое предложение, вызвав скептические улыбки.

– Ладно, попробуем для начала, – нехотя согласился Хоша.

Работа оказалась на редкость левая. Один из руднянских шпанят, шестерящих на команду, втихаря проколол шины на машине должника и ударил ломиком по лобовому стеклу. Этого оказалось достаточно. Челноки решили, что на них натравили давно обещанных бандитов, перепугались до икоты и на следующий день притащили деньги.

Долг был четыре тысячи баксов. Работы на полчаса, плата за решение вопроса – полторы тысячи. Прибыток не гигантский, но по тем временам, когда редкая зарплата была больше пятидесяти долларов, деньги немалые. Рубли перестали быть деньгами, в разгар реформ дере-

вянный падал, как камень в колодец. За неделю цены вполне могли подняться на десять процентов. И увесистый бакс – это ощущение уверенности в завтрашнем дне.

Потом был второй такой же заказ. Тоже невозвращенные деньги. Там было достаточно подойти к ребенку должника у школы и сказать, чтобы папа был поразумнее и думал больше о семье, чем о деньгах. Деньги вернули очень быстро. И в определенных кругах начала расхотиться реклама об отчаянных парнях, которые быстро и тихо решат любую проблему.

В третьем случае сумма была куда больше. И машину пришлось спалить. А когда не помогло, то должника-азербайджанца опустили в погреб на той хате, где руднянские устраивали сходняки и отдыхали телом и душой. Паяльная лампа, подпалившая обильную растительность на груди, быстро вернула упиравшемуся азербайджанцу ощущение реальности. И деньги он вернул с процентами.

– Ерунда, – талдычил Хоша, у которого начиналось головокружение от успехов. – Это разве бабки? Это слезинка ребенка, как говаривал писатель Достоевский.

– А где бабки? – иронически спрашивал дядя Леша.

– Надо обменные пункты валюты брать, – завел старую песню Брюс. – Там можно за раз тридцать тысяч баксов поиметь.

Это предложение сначала показалось диковатым, но постепенно братва начала склоняться к такой теме. И дяде Леше с Художником требовалось немалых усилий и красноречия, чтобы удержать от подобных попыток. Слово Художника ценилось, поскольку обычно было разумным, но он осознавал, что терпит его братва пока только как кореша Хоши и благодаря его славному тюремному прошлому. Такое положение его не устраивало. И он начал медленно, но верно, находить к каждому ключик. С Арменом обращался доверительно, нарочито выделяя его как человека разумного, говорил – нам-то понятно, мы же не Брюс или Блин. С Брюсом вел другую игру – доводил язвительными замечаниями его, туповатого и не умеющего дать отпор словами, до белого каления, но в критический момент сдавал назад, так что Брюс стал опасаться его острого язычка. Пришлось однажды поиграть ножом, когда каратист отпустил по его адресу что-то крайне неуважительное. Брюс утомился, только пробурчал «псих», видя, с какой яростью Художник бросился ему навстречу, рассекая воздух лезвием. Труднее всего было с Блином, не имевшим вообще никаких тормозов. Тот в незначительности своей не мог трезво оценить своего места в команде и время от времени претендовал на большую долю в прибыли, так как благодаря своей комплекции играл роль основного вышибалы. Иногда он заводил разговоры и о том, что приходится слушаться всяких там умных, имея в виду Хошу, что уже было дурным признаком, поскольку в команде пахан должен быть один. И когда начинаются споры за власть, все заканчивается плохо. Так что Блин был ноющим зубом, и боль эта с каждым днем становилась все сильнее.

– Тридцать тысяч за один раз! – забрызгал слюной каратист Брюс. Он становился все жаднее до денег, увешался золотыми цепями, купил зеленый пиджак, грезил о джипе и восьмикомнатном доме красного кирпича. – А мы разводим лохов, долги копеечные возвращаем.

– Постепенность – залог здоровья, – говорил дядя Леша устало.

– Нарабатываем авторитет, – поддерживал дядю Лешу Художник.

– Где они, бабки, с твоего хваленного авторитета? – скривился Хоша.

– Не сразу Ахтумск строился.

– А мне нужно сразу! – вдруг крикнул Хоша, привычно выходя из себя. – Уже почти полтора года херней маемся! Где она, очередь из плачущих банкиров и обобранных промышленников? Где они, миллионы «зелены», дядя Леша? Тысяча «зелени» за последнее дело – это куда? К нам идут только дешевки.

– Нужен жмурик, – неожиданно сказал дядя Леша.

– Какой жмурик? – не понял Хоша.

– Пока кого-нибудь не замочим, так и будем мелочами промышлять. Нужно кого-то демонстративно завалить – и тогда уже другие люди в очередь выстроятся...

– Точно, – неожиданно поддержал его обычно крайне осторожный Художник. – Кровь – лучшая реклама.

– Реклама – двигатель торговли, как говаривал индеец Чингачгук, – кивнул Хоша.

* * *

Старший лейтенант Балабин сел на переднее сиденье «Жигулей», остановившихся у метро «Таганская», захлопнул резко дверцу:

– Привет.

– Здорово, служивый, – кивнул Влад. – Ты мне машину развалишь.

– Как тебе отдыхается?

– Отлично. Уволился в рекордный срок. Не успел оглянуться, а уже приказ.

– Даже отвальную не устроил.

– Не вижу повода для пьянки.

– Обижаешься, что не прикрыли тебя. Казанчев делал все, чтобы тебя вытащить. Но там, сам знаешь, политика.

– Ты-то хоть не оправдывайся передо мной. Я все понимаю...

– Это хорошо, – вздохнул Балабин. – Ты меня как, по делу звал?

– По делу... Несколько вопросов на засыпку, Николая. По делу об убийстве семьи Гурьяновых.

Балабин помрачнел и произнес сухо:

– Влад, ты теперь не в конторе. Не забыл?

– Я ничего не забываю. В том числе, как тебя с того света вытащил в Чечне. Ты-то помнишь?

– Я все помню, – помрачнел Балабин. – Зачем тебе это все? В частные сыщики решил податься?

Влад устало потер виски:

– Брат погибшего Гурьянова – мой друг. Очень хороший друг. Я ему тоже жизнью обязан. Долг чести.

– Брат? Никита Гурьянов? Это тот офисный хомяк, которого мы допрашивали?

– Это важно, кто он?

– Ладно, – махнул рукой Балабин. – Что тебя интересует?

– Почему наша контора занялась этим убийством? Убийства – епархия угрозыска.

– Убийство явно заказное. Помнишь, мы занимались перекидкой валютных средств в офшорные зоны? В той афере светилась компания «КТВ», где работал Константин Гурьянов. И нам интересно, нет ли тут связи с убийством.

Влад помолчал, потом осведомился:

– Что есть в деле по самому убийству?

– Описания бандитов. Составлены по свидетельским показаниям. Вот, – Балабин вытащил бумажку, на которой было три физиономии.

– И кого можно по этому фотороботу опознать? – скривился Влад.

– Машину, на которой приезжали исполнители, нашли брошенной. Ее украли перед убийством, перекинули номера. Стреляли из автоматов Калашникова.

– Опрос местных жителей?

– Несколько дней бились. Вчера я разговорил соседей по лестничной площадке. Где-то за тридцать минут до выстрелов из квартиры Гурьянова вышла девушка. Соседка видела

в «глазок». Но описать толком ее не смогла. Говорит, та была в темном платье. И с толстой папкой под мышкой.

– Что еще?

– Ничего. По-моему, это чистый глухарь... А что твой приятель говорит? Он с нами был не особенно откровенен.

– Он вообще не в курсах про дела брата.

– Влад, честно, ты что, надеешься раскрутить это дело?

– Хотя бы разобраться, что к чему.

– И что потом?

– А потом расскажу все тебе. И ты получишь орден.

– Сутулова третьей степени. С закруткой на спине...

– Тогда медаль... Вы записные книжки изъяли в квартире покойного?

– Изъяли.

– Была там такая Вика?

Балабин вынул свой толстый ежедневник, куда заносил план своих действий и всю нужную информацию. Там был и список из сотни телефонов из записной книжки Константина, которые требовалось проверить:

– Вот. Виктория. Фамилии нет. Только городской телефон. Отработать не успели. Я только адрес пробил. По телефону ее никто не отвечал.

– Адрес давай. И телефон.

Балабин помялся.

– Ну, Николь, не томи. И так уже все тайны, которые мог, выдал. Давай.

Влад записал данные, которые с неохотой продиктовал старлей, и спросил:

– Вы сколько раз осматривали квартиру?

– Один. А что?

– Не могли еще следователь или муровцы наведаться?

– Нет. Сто процентов не было никого.

Влад задумался. Гурьянов уверен, что в квартиру кто-то приходил после осмотра. Полковника столько лет учили не забывать ничего и улавливать детали – тут никакой сыщик в подметки ему не годится.

– Ключ у кого от квартиры был? – спросил Влад.

– У следака прокурорского. Еще есть вопросы?

– Нет.

– Ну я пошел?

– Давай. Только не говори никому о нашей встрече...

– Что, я похож на дурака? Пока. – Балабин вышел из машины.

Влад не сомневался: его бывший сослуживец раздосадован. Видимо, ощущает, что его выжали, как губку, высосали информацию и ничего не дали взамен. Ничего, переживет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.